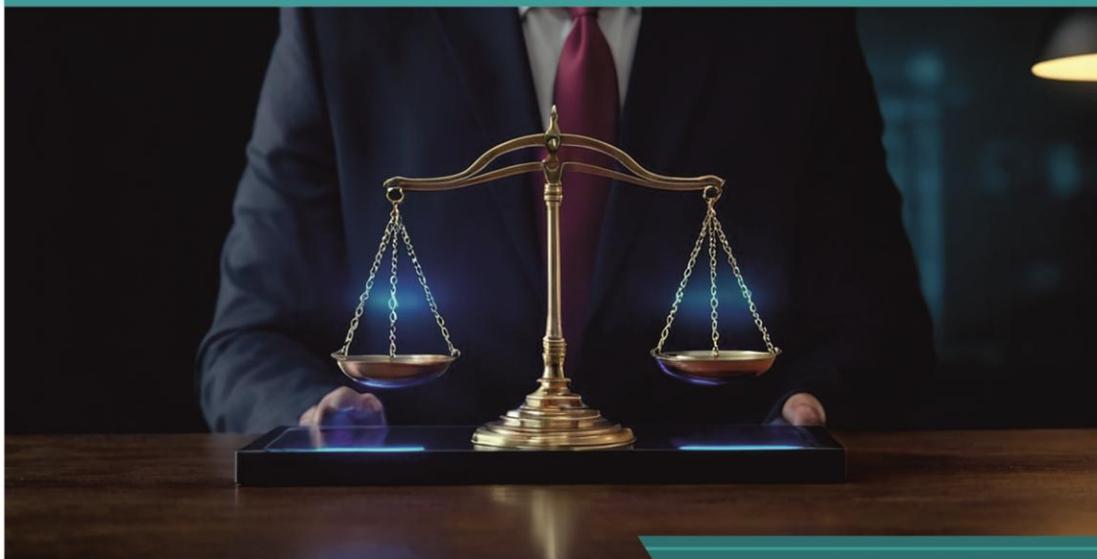

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№2(109)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2026

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам СІХ международной
научно-практической конференции*

№ 2 (109)
Февраль 2026 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2026

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам СІХ междунар. науч.-практ. конф. – № 2 (109). – М.: Изд. «МЦНО», 2026. – 82 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2026

Оглавление

Раздел 1. Политология	5
1.1. Политические институты, процессы и технологии	5
МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЗАЧЬЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА Карпенко Ангелина Михайловна	5
Раздел 2. Юриспруденция	13
2.1. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	13
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СНИЖЕННЫХ РАЗМЕРОВ КОМПЕНСАЦИИ В СЛУЧАЯХ НЕВИНОВНОГО НАРУШЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПО ИТОГАМ РЕФОРМЫ ЧАСТИ IV ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ Мингазов Минираис Робертович	13
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТУРИСТСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТРАСЛИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ Сергиенко Сергей Юрьевич	19
2.2. Информационное право	24
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИКТ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ Воропаева Елена Валерьевна Барабанова Дана Владимировна	24
2.3. Международное право	32
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ Воропаева Елена Валерьевна Кононова Диана Александровна	32
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ Ланцева Вероника Юрьевна Данченко Маргарита Борисовна	38

ПРАВОВОЙ СТАТУС АВТОНОМНЫХ МОРСКИХ СУДОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ Мигда Наталья Сергеевна Кучерова Юлия Игоревна Магомедова Луиза Максимовна	42
ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ В СИСТЕМЕ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Семенов Андрей Викторович Сигарёв Илья Валерьевич	46
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА МОРСКОМ ТРАНСПОРТЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ Сторчакова Ульяна Александровна Куликовская Ирина Сергеевна	50
ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ РАЗРАБОТКИ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ НА ШЕЛЬФЕ АРКТИКИ Чикирка Екатерина Владимировна	54
МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ Чолтян Людмила Николаевна Белокобыльская Арина Алексеевна	60
2.4. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	66
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ Чан Тхи Ми Ни	66
2.5. Уголовный процесс	71
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА Аристов Илья Павлович	71

РАЗДЕЛ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЗАЧЬЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Карпенко Ангелина Михайловна

аспирант,

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, г. Москва*

METHODS OF IMPLEMENTATION AND IMPROVEMENT OF COSSACK EDUCATION IN MODERN REALITIES OF THE 21ST CENTURY

Karpenko Angelina Mikhailovna

Postgraduate Student,

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные методы реализации и развития казачьего образования в условиях трансформации российского общества. Анализируются современные образовательные практики казачьих учебных заведений, выявляются ключевые проблемы и противоречия системы казачьего образования. Особое внимание уделяется инновационным подходам к интеграции традиционных казачьих

ценностей в современный образовательный процесс. Представлены результаты исследований эффективности различных моделей казачьих образовательных организаций. Обоснована необходимость системного подхода к совершенствованию казачьего образования с учетом требований федеральных государственных образовательных стандартов и сохранения культурно-исторического наследия казачества. Предложены практические рекомендации по модернизации учебно-воспитательного процесса в казачьих классах и кадетских корпусах.

Abstract. The article examines current methods of implementing and developing Cossack education in the context of Russian society transformation. Modern educational practices of Cossack educational institutions are analyzed, key problems and contradictions of the Cossack education system are identified. Particular attention is paid to innovative approaches to integrating traditional Cossack values into the modern educational process. The results of research on the effectiveness of various models of Cossack educational organizations are presented. The necessity of a systematic approach to improving Cossack education is substantiated, taking into account the requirements of federal state educational standards and preserving the cultural and historical heritage of the Cossacks. Practical recommendations for modernizing the educational process in Cossack classes and cadet corps are proposed.

Ключевые слова: казачье образование, патриотическое воспитание, традиционные ценности, казачья культура, образовательные технологии, кадетские корпуса, духовно-нравственное воспитание.

Keywords: Cossack education, patriotic upbringing, traditional values, Cossack culture, educational technologies, cadet corps, spiritual and moral education.

Казачье образование переживает период активного возрождения и институционализации в современной России. По данным Министерства просвещения РФ, на 2024 год в стране функционирует более 250 образовательных организаций, реализующих программы казачьего образования, охватывающих свыше 85 тысяч обучающихся [5]. Эта система включает казачьи кадетские корпуса, школы-интернаты, классы казачьей направленности в общеобразовательных организациях.

Актуальность развития казачьего образования обусловлена государственной политикой по сохранению культурно-исторического наследия и патриотическому воспитанию молодежи. В Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2030 года особо подчеркивается роль образовательных

организаций казачьей направленности в формировании гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей [7].

Исследования показывают, что казачье образование обладает значительным потенциалом для решения актуальных педагогических задач. Как отмечают Галушко И.Г. и Колесникова М.Е., особенностью казачьих образовательных организаций является интеграция традиционных культурных практик с современными образовательными технологиями, что способствует формированию устойчивой системы ценностных ориентаций обучающихся [2].

Однако современная система казачьего образования сталкивается с рядом вызовов: недостаточная методическая проработка специфических аспектов казачьего образования; дефицит педагогических кадров, владеющих знаниями о казачьей культуре и традициях; отсутствие единых стандартов и критериев оценки качества казачьего образования; необходимость гармонизации традиционного казачьего воспитания с требованиями ФГОС; ограниченность материально-технической базы ряда образовательных организаций; недостаточное научно-методическое сопровождение образовательного процесса.

Региональная дифференциация системы казачьего образования также создает определенные трудности. Наиболее развитая сеть казачьих образовательных организаций сложилась в традиционных казачьих регионах – Ростовской, Волгоградской, Краснодарском и Ставропольском краях, где казачество исторически играло ключевую роль в социально-культурном развитии территорий [3].

Согласно данным мониторинга образовательных организаций казачьей направленности, проведенного в 2023 году, 68% респондентов среди педагогов указывают на необходимость разработки специализированных учебно-методических комплексов, адаптированных к особенностям казачьего образования [6]. При этом 73% родителей обучающихся отмечают положительное влияние казачьего компонента образования на формирование дисциплинированности, ответственности и патриотизма у детей.

Методология современного казачьего образования базируется на интеграции нескольких ключевых подходов. Культурологический подход предполагает изучение казачьей культуры как целостной системы ценностей, традиций, обычаев и исторического опыта. Это обеспечивает формирование культурной идентичности обучающихся и понимание роли казачества в российской истории.

Аксиологический подход фокусируется на воспитании ценностных ориентаций, традиционных для казачества: служение Отечеству и готовность к защите Родины; уважение к старшим и почитание

традиций предков; коллективизм и взаимопомощь; трудолюбие и дисциплинированность; духовность и религиозность; семейные ценности и преемственность поколений.

Деятельностный подход реализуется через активное включение обучающихся в практическую деятельность, связанную с казачьими традициями – военно-прикладные виды спорта, народные промыслы, фольклорные коллективы, поисковую работу.

Инновационные методы реализации казачьего образования активно разрабатываются и апробируются в различных регионах России. Бондарев В.А. в своем исследовании обосновывает эффективность модульного подхода к организации казачьего образования, при котором образовательная программа структурируется по тематическим модулям [1]. Такая организация позволяет гибко адаптировать содержание образования к возрастным особенностям и уровню подготовки обучающихся.

Перспективным направлением является интеграция цифровых образовательных технологий в практику казачьего образования. Создание виртуальных музеев казачьей культуры, интерактивных образовательных платформ, мультимедийных учебных пособий расширяет возможности познавательной деятельности обучающихся. В 2023-2024 годах в Ростовской области реализуется проект «Цифровое наследие казачества», включающий разработку образовательных мобильных приложений и виртуальных экскурсий по историческим казачьим поселениям [4].

Важнейшим элементом методической системы казачьего образования является воспитательная работа. Матвеева Е.С. подчеркивает, что эффективность воспитания в казачьих образовательных организациях обеспечивается созданием особой образовательной среды, основанной на принципах наставничества, соуправления и традиционной казачьей педагогики [4].

Инновационные формы воспитательной работы включают: военно-патриотические лагеря и полевые сборы; казачьи фестивали и культурно-образовательные форумы; проектную деятельность по изучению истории казачьих родов и поселений; волонтерскую деятельность по благоустройству исторических объектов; организацию встреч с казаками-наставниками и ветеранами; паломнические поездки к православным святыням.

Система дополнительного образования играет значительную роль в реализации казачьего образования. Программы дополнительного образования охватывают физическую подготовку (джиговка, фланкировка, стрелковая подготовка), художественно-эстетическое направление

(казачий фольклор, хореография, декоративно-прикладное искусство), туристско-краеведческую деятельность.

Межведомственное взаимодействие образовательных организаций с казачьими обществами, военными структурами, культурными учреждениями и Русской Православной Церковью создает единое образовательное пространство. Такое сотрудничество обеспечивает привлечение дополнительных ресурсов, экспертов и наставников для образовательного процесса.

Системное развитие казачьего образования требует реализации комплекса мер на федеральном, региональном и институциональном уровнях. Приоритетным направлением является разработка и утверждение единых образовательных стандартов для организаций казачьей направленности. Эти стандарты должны определять обязательный минимум содержания казачьего компонента образования, требования к результатам обучения и условиям реализации образовательных программ.

Стратегическое значение имеет создание системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров для казачьих образовательных организаций. Необходимо развитие специализированных образовательных программ в педагогических вузах, включающих углубленное изучение истории, культуры и традиций казачества, методики воспитания на основе казачьих ценностей.

Научно-методическое обеспечение казачьего образования требует интенсификации исследований в данной области. Актуальными направлениями исследований являются: изучение педагогического наследия казачества и его адаптация к современным условиям; разработка эффективных технологий патриотического воспитания на основе казачьих традиций; оценка влияния казачьего образования на личностное развитие обучающихся; сравнительный анализ различных моделей организации казачьего образования; исследование механизмов трансляции традиционных ценностей в молодежной среде.

Совершенствование материально-технической базы казачьих образовательных организаций предполагает создание специализированных учебных кабинетов казачьей культуры, оснащение спортивных залов для занятий казачьими видами спорта, формирование библиотечных фондов специализированной литературы, создание музейных экспозиций.

Развитие сетевого взаимодействия между казачьими образовательными организациями различных регионов способствует обмену опытом, распространению лучших практик, организации совместных образовательных проектов. Создание федеральной ассоциации

казачьих образовательных организаций может стать координирующим центром развития системы казачьего образования.

Информационное сопровождение деятельности казачьих образовательных организаций включает создание специализированного образовательного портала, публикацию методических материалов и учебных пособий, освещение опыта работы в профессиональных изданиях, организацию конференций и семинаров по проблемам казачьего образования.

Важным направлением является развитие системы мониторинга качества казачьего образования. Регулярная оценка образовательных результатов, уровня сформированности ценностных ориентаций, социализации выпускников казачьих образовательных организаций позволит корректировать образовательные программы и методы работы.

Перспективным представляется расширение международного сотрудничества с образовательными организациями казачьей направленности в странах, где проживают казачьи диаспоры. Обмен опытом, совместные исследовательские и культурные проекты будут способствовать сохранению и развитию казачьей культуры в глобальном масштабе.

Экономическая устойчивость системы казачьего образования требует диверсификации источников финансирования – бюджетное финансирование должно дополняться грантовой поддержкой, благотворительными взносами казачьих обществ и организаций, доходами от образовательной деятельности.

Казачье образование в современной России представляет собой динамично развивающуюся систему, обладающую значительным потенциалом для решения задач патриотического воспитания, формирования гражданской идентичности и сохранения культурно-исторического наследия. Проведенный анализ свидетельствует о необходимости системного подхода к совершенствованию казачьего образования, включающего методологическое обоснование, разработку образовательных стандартов, подготовку педагогических кадров и создание современной материально-технической базы.

Инновационные методы реализации казачьего образования, основанные на интеграции традиционных ценностей с современными образовательными технологиями, демонстрируют высокую эффективность. Модульная организация образовательного процесса, использование цифровых ресурсов, развитие проектной и исследовательской деятельности обучающихся, межведомственное взаимодействие образовательных организаций создают условия для качественной реализации образовательных программ казачьей направленности.

Стратегические направления развития казачьего образования включают создание единого образовательного пространства, научно-методическое сопровождение, систему подготовки кадров, мониторинг качества образования. Реализация этих направлений позволит обеспечить устойчивое развитие системы казачьего образования, повышение ее социальной эффективности и признания в российском обществе.

Дальнейшие исследования в области казачьего образования должны быть направлены на углубленное изучение механизмов формирования ценностных ориентаций, разработку диагностического инструментария оценки результатов казачьего образования, анализ долгосрочных эффектов обучения в казачьих образовательных организациях на жизненные траектории выпускников. Практическая значимость таких исследований заключается в создании научно обоснованной методологии развития казачьего образования как эффективного инструмента воспитания подрастающего поколения в духе служения Отечеству и сохранения традиционных российских ценностей.

Список литературы:

1. Бондарев В.А. Модульный подход в организации казачьего образования: теория и практика // Казачество. 2023. № 52. С. 42-49.
2. Галушко И.Г., Колесникова М.Е. Традиционные ценности казачества в современном образовательном пространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 78-84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=63245891> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Гребенкин А.Н. Региональные модели казачьего образования на Юге России // Педагогика и просвещение. 2023. № 4. С. 115-127.
4. Матвеева Е.С. Воспитательный потенциал казачьих образовательных организаций в формировании гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2024. № 1. С. 95-103. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=64128745> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Министерство просвещения Российской Федерации. Статистические данные о сети образовательных организаций казачьей направленности. М., 2024. 28 с.
6. Сизова М.В., Павлова Н.И. Мониторинг качества казачьего образования: методология и результаты // Образование и наука в современных условиях. 2023. № 2. С. 67-73.

7. Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 июля 2022 г. № 1958-р. М., 2022. 35 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2.1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СНИЖЕННЫХ РАЗМЕРОВ КОМПЕНСАЦИИ В СЛУЧАЯХ НЕВИНОВНОГО НАРУШЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПО ИТОГАМ РЕФОРМЫ ЧАСТИ IV ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Мингазов Минираис Робертович

аспирант

*Государственного академического
университета гуманитарных наук,
РФ, г. Москва*

THE FAIRNESS OF APPLYING REDUCED COMPENSATION AWARDS IN CASES OF INNOCENT INFRINGEMENT OF IP RIGHTS FOLLOWING THE REFORM OF PART IV OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mingazov Minirais Robertovich

Graduated student

*of State Academic University for the Humanities,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются последствия реформы части IV Гражданского кодекса РФ, проведенной в 2025 году, в контексте применения компенсации за нарушения исключительных прав при отсутствии вины нарушителя. Основным предметом работы является анализ того, позволяет ли введение сниженных размеров компенсации устранить проблемы несправедливости ее применения к невиновным нарушителям с точки зрения ее функционального назначения. Выводы обосновываются с использованием сравнительно-правового анализа российского института компенсации и американского института статутных убытков.

Abstract. The article examines the consequences of the 2025 reform of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation in the context of applying compensation for infringements of IP rights where the infringer lacks fault. The central focus of the study is whether the introduction of reduced compensation awards addresses concerns about the fairness of imposing such liability on innocent infringers in light of the functional purposes of compensation. The conclusions are supported by a comparative analysis of the Russian compensation regime and the U.S. system of statutory damages.

Ключевые слова: компенсация за нарушение исключительных прав; размеры компенсации; статутные убытки; вина; функции компенсации

Keywords: compensation for infringements of IP rights, compensation awards, statutory damages, fault, functions of compensation

В конце XX века в отечественное законодательство был введен институт компенсации за нарушение исключительных прав, предоставляющий правообладателям альтернативный взысканию убытков способ защиты нарушенных прав. Причина его появления заключается в объективной трудности расчета убытков, которые несет обладатель исключительных прав, и широкой распространенности нарушений в сфере интеллектуальной собственности [1, с. 152]. В связи с данными обстоятельствами интересы правообладателей требовали предоставить им эффективные способы защиты их прав, которые были бы удобны и просты в использовании. Ответом на данные вызовы и стала компенсация с ее главной характеристикой – отсутствие необходимости доказывания размера понесенных убытков. Однако, предоставляя повышенную защиту правообладателям, указанная особенность в то же время неизбежно порождает вопрос о справедливости применения компенсации к нарушителям. Как обеспечить баланс интересов правообладателей и нарушителей их прав при назначении денежной компенсации? Особенно

остро данный вопрос встает в случаях невиновного нарушения исключительных прав.

С момента появления в российском законодательстве и до наших дней институт компенсации прошел длинный путь постоянных изменений и совершенствований, однако в настоящей статье автор предлагает рассмотреть законодательные новеллы 2025 года в контексте установления сниженных диапазонов компенсации, назначаемой в твердом размере, при отсутствии вины нарушителя исключительных прав. До прошедшей реформы части IV Гражданского кодекса РФ [6] регулирование устанавливало объективный (не зависящий от вины нарушителя) характер компенсации: сам по себе факт несанкционированного правообладателем использования его произведения являлся основанием для взыскания компенсации. Так, например, Верховным Судом РФ подчеркивалось, что возможность взыскания компенсации за нарушение исключительного права на произведение не зависит от того, знал ли нарушитель о неправомерности своих действий [2]. Другими словами, в глазах правоприменителя невиновный нарушитель исключительных прав оказывался в том же правовом положении, что и лицо, допустившее умышленное или неосторожное нарушение. Отсутствие вины учитывалось судами лишь как один из факторов, влияющих на итоговый размер прирешаемой компенсации [3, 4].

Описанное выше регулирование было решительным образом модернизировано Федеральным законом от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [6]. Данный закон внес изменения в статью 1252.1 Гражданского кодекса РФ [6], согласно которым к субъектам предпринимательской деятельности, которые не знали и не должны были знать о нарушении, может быть применена компенсация только в сниженных размерах – от 10 тыс. руб. до 500 тыс. руб. (в то время как общий размер компенсации составляет от 10 тыс. руб. до 10 млн руб.). Однозначно можно положительным образом оценить данные изменения, поскольку на законодательном уровне было закреплен отдельный регуляторный режим для предпринимателей, невиновно совершивших нарушение исключительных прав. Тем не менее, текущее законодательство сохраняет применение ответственности к добросовестным участникам оборота. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть, насколько применение компенсации (хоть и в пониженных размерах) к невиновным нарушителям является оправданным.

Поскольку, как отмечается в российской цивилистической литературе [5, с. 117], компенсация за нарушение исключительных прав в отечественном праве во многом появилась под влиянием американского

института статутных убытков, видится полезным для начала изучить историю его развития в США. С определенной долей условности можно отметить, что американское законодательство прошло аналогичный путь в части применения ответственности к невиновным нарушителям.

Статутные убытки в их современном виде впервые появились в Законе об авторском праве США 1909 года. Стоит отдельно подчеркнуть, что корни данного института уходят далеко к Статуту Анны 1710 г. [8, с. 487], однако дабы избежать спора о том, насколько способ защиты авторских прав, установленный данным законодательным актом, и статутные убытки, предусмотренные в 1909 году, имеют одинаковую юридическую природу, который не относятся к предмету настоящего исследования, автор предлагает в качестве отправной точки брать именно 1909 год. В это время американского законодателя беспокоили такие же вопросы, которые поднимались и в российской правовой среде: как адекватно защитить правообладателей в условиях массовых нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности и сложностей доказывания размера причиненного ущерба [9, с. 449]. Решая эту проблему, данный закон предусмотрел, что в случае нарушения исключительных прав суд вправе обязать нарушителя выплатить сумму в размере от 250 долларов США до 5 000 долларов США. При этом правообладатель не должен был доказывать размера понесенных убытков, а закон не предусматривал различий между виновными и невиновными правонарушениями. Последний факт стал объектом критики с теми аргументами, что даже минимальный размер статутных убытков в 250 долларов США является чрезмерным в случае неумышленных правонарушений и не отвечает цели введения института [8, с. 505]. В связи с этим в ходе реформы законодательства в 1976 году данный институт претерпел существенные изменения: в случае доказанного отсутствия вины нарушителя суд получил право снизить сумму присуждаемых убытков до 100 долларов США (позже данная граница была увеличена до 200 долларов США, в то время как нижняя граница обычно присуждаемых статутных убытков поднялась до 750 долларов США), однако полное исключение ответственности предусмотрено не было. Соответственно, как и в российском праве, фундаментальный вопрос о справедливости применения мер ответственности к невиновным лицам сохранился.

В американской доктрине встречается позиция о том, что применение статутных убытков к невиновным нарушителям исключительных прав является неоправданным с точки зрения функционального предназначения данного института [10, с. 1236]. Так, институт статутных убытков выполняет три функции: компенсация потерь правообладателя, предотвращение совершения будущих нарушений в сфере

интеллектуальной собственности и наказание нарушителей. В случае взыскания статутных убытков с невиновного нарушителя все указанные функции оказываются искаженными.

Классическая для гражданского права компенсация убытков, понесенных потерпевшим лицом, выглядит следующим образом. В результате действий правонарушителя наносится определенный вред потерпевшему лицу, то есть между действиями правонарушителя и вредом, нанесенным потерпевшему лицу, имеется причинно-следственная связь. При наличии вины нарушителя (в гражданско-правовом смысле) он обязан компенсировать потерпевшему причиненный ущерб. Однако, когда вина нарушителя отсутствует, возникает ситуация не компенсации причиненных убытков, а перекладывания на нарушителя экономического риска правообладателя. Другими словами, причинно-следственная связь становится формальной, а компенсация происходит по следующему правилу: поскольку нарушение объективно произошло, кто-то должен заплатить, и это будет невиновный нарушитель.

Не достигается и превентивная цель ответственности. Угроза взыскания компенсации не способна повлиять на поведение лица, которое объективно не осознает противоправность своих действий и не может ее распознать. В таких условиях компенсация начинает выполнять чисто карательную функцию.

Но и штрафная функция в этом случае выглядит также неуместна. Так, наказание должно следовать за такое поведение лица, которое связано с осознанием либо возможностью осознания им противоправности своих действий. В том случае когда вина отсутствует, отсутствует и сам предмет воздействия наказания. Таким образом, штрафная функция статутных убытков в данном случае выглядит неоправданной.

Отечественные исследователи выделяют аналогичные функции компенсации – восстановление, превенция и штраф [7, с. 16]. В связи с этим думается, что все описанные выше аргументы в равной степени применимы и к компенсации за нарушение исключительных прав, назначаемой при невиновных нарушениях в российской праве.

Таким образом, проведенная в 2025 году реформа IV части Гражданского кодекса РФ [6], безусловно, улучшила положение невиновных предпринимателей, нарушивших исключительные права, снизив размер возможных взысканий. Однако само по себе уменьшение размеров компенсации не решило главной проблемы – спорность применения ответственности к невиновным лицам. Так, невиновные предприниматели по-прежнему несут имущественные потери не за упречное поведение, а за сам факт нарушения исключительного права, что сближает компенсацию с формой объективного риска.

Список литературы:

1. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав Часть 1 / Е.А. Павлова, В.О. Калягин, В.А. Корнеев [и др.] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 2(36). – С. 152-190.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г.
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.10.2021 № С01-1609/2021 по делу № А27-22919/2020.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2021 № 13АП-17561/2021 по делу № А56-41591/2020.
5. Старженецкий В.В. Статутные убытки в праве интеллектуальной собственности РФ: эволюция и актуальные проблемы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. N 10. С. 116 - 147.
6. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2025 г. – № 150 – ред. от 10.07.2025.
7. Щербак Н.В. Место и особенности имущественной ответственности в системе гражданско-правовых способов защиты субъективных авторских и смежных интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. N 4. С. 15 - 30.
8. P. Ferch. Statutory Damages Under the Copyright Act of 1976 // Loyola University Chicago Law Journal. 1984. Vol. 15. P. 485 – 511.
9. P. Samuelson, T. Wheatland. Statutory damages in copyright law: a remedy in need of reform // William & Mary Law Review. 2009. Vol. 51. P. 439 – 511.
10. S. Talha, O. Bracha. The Wrongs of Copyright’s Statutory Damages. Texas Law Review. 2020. Vol. 98. P. 1219 – 1254.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТУРИСТСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТРАСЛИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Сергиенко Сергей Юрьевич

аспирант,

Университет «Синергия»,

РФ, г. Москва

PERIODIZATION OF TOURISM LAW IN THE ERA OF INDUSTRY DIGITAL TRANSFORMATION: THE NEED FOR RECONSIDERATION

Sergienko Sergey Yurevich

Postgraduate student,

Synergy University,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается проблема периодизации туристского права РФ в условиях цифровой трансформации. Обосновывается необходимость пересмотра хронологических рамок законодательства, поскольку традиционные подходы не отражают изменений, вызванных цифровизацией. Существующие модели не учитывают динамику цифровизации отрасли, эволюцию правовых институтов и смену регулятивной парадигмы (от «бумажного» к «цифровому» взаимодействию). Это создаёт разрыв между практиками цифровой среды и их нормативным закреплением, порождая правовые неопределённости и пробелы регулирования.

Abstract. The article examines the problem of periodization of tourism law in the Russian Federation in the context of digital transformation. It substantiates the need to revise the chronological framework of legislation, as traditional approaches fail to capture the changes brought about by digitalization. Existing models do not account for the dynamics of digitalization in the industry, the evolution of legal institutions, and the shift in regulatory paradigm (from “paper-based” to “digital” interaction). This creates a gap between digital environment practices and their legal codification, leading to legal uncertainties and regulatory gaps.

Ключевые слова: туризм; цифровая трансформация туризма; туристское право; периодизация туристского права; цифровой период развития права; правовое регулирование туризма; цифровизация отрасли; электронный документооборот; цифровые платформы; правовые коллизии.

Keywords: tourism; digital transformation of tourism; tourism law; periodization of tourism law; digital period of legal development; legal regulation of tourism; digitalization of the industry; electronic document management; digital platforms; legal conflicts.

В условиях цифровой трансформации экономики туристическая отрасль, являясь значимой частью российской экономики, претерпевает глубокие системные изменения. Эти преобразования затрагивают не только операционные процессы, но и фундаментальные механизмы правового регулирования. Исторически признание стратегической роли туризма было закреплено на государственном уровне ещё в 1994 году посредством Указа Президента РФ от 25.04.1994 № 813 «О дополнительных мерах по развитию туризма в Российской Федерации», который определил в качестве приоритетной задачи всестороннюю поддержку развития туризма в Российской Федерации.

Современные технологические тренды формируют принципиально новый правовой ландшафт отрасли. Одним из ключевых механизмов обеспечения прозрачности рынка и защиты прав потребителей стала обязательная регистрация исполнителей туристских услуг – туроператоров, турагентов, средств размещения и гидов – в государственных реестрах. Существенным шагом в цифровизации отрасли стало внедрение государственной информационной системы «Электронная путёвка».

Широкое распространение получило дистанционное заключение электронных договоров, однако до сих пор отсутствует единый нормативно закреплённый порядок их оформления. Это создаёт правовые неопределённости, особенно в вопросах формирования доказательной базы и распределения ответственности между участниками правоотношений. Параллельно происходит постепенное внедрение цифровых платформенных решений, включая агрегаторы услуг, которые уже занимают существенную долю рынка, но при этом не имеют чёткого правового регулирования в действующем туристском законодательстве.

Примечательно, что в развитии правового регулирования туристской деятельности наблюдается устойчивый хронологический разрыв между появлением технологических инноваций и их нормативным оформлением. Сначала возникают новые явления – будь то дистанционное заключение договоров, платформенные модели взаимодействия

или цифровые платёжные решения, – а спустя значительный временной промежуток начинается их фрагментарное правовое описание, обычно в форме точечных поправок к существующим нормативным актам.

Этот временной лаг порождает ряд существенных правовых коллизий. В частности, остаётся неоднозначным правовой статус цифровых платформ как субъектов туристской деятельности. Не выработаны чёткие требования к организации электронного документооборота в сфере туризма. Существуют значительные пробелы в регулировании вопросов защиты персональных данных при использовании цифровых сервисов. Кроме того, не определены эффективные механизмы разрешения споров, возникающих в условиях трансграничных онлайн-операций.

Происходящие изменения инициируют качественный сдвиг в структуре правовых отношений в сфере туризма. Прежде всего, трансформируется субъектный состав правоотношений за счёт появления цифровых посредников, выполняющих связующие функции между поставщиками услуг и потребителями. Одновременно меняется и понимание объектов правоотношений: всё большее значение приобретают виртуальные услуги и цифровые активы, не имеющие материального воплощения. В этой связи происходит постепенное переосмысление традиционных правовых институтов – таких как договор, ответственность и защита прав потребителей – с учётом специфики цифровой среды.

Сложившаяся ситуация ставит вопрос о необходимости переосмысления периодизации развития туристского права Российской Федерации. Традиционный подход к периодизации, опирающийся на даты принятия ключевых законодательных актов (например, Федерального закона «Об основах туристской деятельности» 1996 года или поправок о финансовом обеспечении 2007 года), не позволяет в полной мере отразить динамику происходящих процессов. В частности, он не учитывает ни темпы цифровизации отрасли, ни эволюцию правовых институтов под воздействием технологических инноваций, ни постепенную смену парадигмы регулирования – от преимущественно «бумажного» к «цифровому» формату взаимодействия.

В этой связи представляется обоснованным рассмотрение возможности разработки новой периодизации, которая будет учитывать этапы внедрения цифровых технологий в туристическую отрасль, хронологию формирования «цифрового» сегмента туристского права и взаимосвязь технологических инноваций с правовыми реформами. Такой подход способен обеспечить более системное понимание эволюции нормативной базы, выявить существующие пробелы регулирования и создать предпосылки для прогнозирования дальнейших правовых изменений в условиях продолжающейся цифровизации туристской сферы.

На сегодняшний день в научной литературе эволюция туристского права РФ традиционно представлена в виде двух крупных периодов:

- 1918–1991 гг. – советский (социалистический) период;
- 1991 г. – настоящее время – постсоветский (рыночный) период.

Началом эволюции туристского права принято считать принятие Декрета СНК от 12 апреля 1918 года «О памятниках Республики», который, хотя и не регулировал непосредственно туристскую деятельность, заложил основы государственной политики в сфере культурного наследия и общественных пространств – ключевых элементов туристской инфраструктуры [2, с. 20]. Этот акт символизировал переход к новой системе ценностей, что косвенно повлияло на последующее формирование туристской сферы.

Советский период (1918–1991) характеризовался:

- доминированием государственного регулирования туризма;
- развитием внутреннего и социального туризма как части социальной политики;
- отсутствием рыночных механизмов и частноправовых отношений в туристской сфере;
- постепенным формированием ведомственных норм (например, правил работы профсоюзных турбаз, пионерских лагерей и т. п.).

Переломным моментом, обозначившим переход ко второму периоду, стал распад СССР (1991 г.) и последующий переход к рыночным отношениям. В это время страна становилась «...на путь коренных трансформаций системы органов государственной власти...» [1, с. 123]. Ключевыми изменениями стали:

- отказ от монополии государства на туристскую деятельность;
- внедрение частноправовых механизмов (свобода договора, конкуренция);
- формирование нормативной базы для коммерческого туризма (включая принятие в 1996 г. Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»).

Постсоветский период туристского права характеризуется значительным развитием правового института, выражающего принятием большого количества нормативных актов. Достижения развития цифровых технологий позволило законодательно закрепить формирование государственных реестров исполнителей услуг (туроператоров и турагентов) и государственной системы «Электронная путевка», допускается возможность заключения договоров о реализации туристского продукта в электронной форме. Поскольку деятельность по реализации туристского продукта сопряжена с существенными действиями по обработке персональных данных, законодателем разрабатываются и принимаются

нормативные акты, регламентирующие этот процесс в цифровой среде [3, с. 6].

Анализ стремительного развития цифровых технологий и отставания правового регулирования от темпов цифровизации указывает на необходимость выделения третьего (цифрового) периода в эволюции туристского права РФ, началом которого стали 2020-е годы. Именно в это время произошло внедрение государственной системы «Электронная путёвка», значительный рост дистанционных способов заключения договоров и увеличение количества платформенных решений.

Понимание эволюционного развития туристского права важно для более осознанного подхода к разработке и внедрению законодательных инициатив [4, с. 89].

Список литературы:

1. Завьялова С.В. Формирование и развитие законодательства СССР о туристско-экскурсионном обслуживании: третий этап / Завьялова С.В. // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук Петропавловск-Камчатский, 08–12 февраля 2016 года. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, 2016. – Т. выпуск 6 часть 2. – С. 120-124.
2. Писаревский Е.Л. Правовое обеспечение туризма / Писаревский Е.Л., Бобкова А.Г., Кудреватых С.А., Бавельский А.Д. – Москва : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.
3. Сергиенко С.Ю. Правовое обеспечение обработки персональных данных в сфере реализации туристского продукта: современные тенденции и цифровизация / Сергиенко С.Ю. // Юридические исследования. – 2025. – № 8. – С. 1-17. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.8.75123.
4. Сергиенко С.Ю. Цифровизация туризма как новый этап эволюции права: методологические основания для пересмотра периодизации / Сергиенко С.Ю. // Право и политика. – 2025. – № 12. – С. 80-92. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.12.77252.

2.2. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИКТ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

Воропаева Елена Валерьевна

*преподаватель,
Ростовский институт,
филиал Всероссийского государственного университета
юстиции РПА Минюста России в г. Ростове-на-Дону,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

Барабанова Дана Владимировна

*студент,
Ростовский институт,
филиал Всероссийского государственного университета
юстиции РПА Минюста России в г. Ростове-на-Дону,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF COUNTERING THE USE OF ICT FOR TERRORIST PURPOSES

Voropaeva Elena Valerievna

*Teacher,
Rostov Institute (branch) of VSUJ
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don*

Barabanova Dana Vladimirovna

*Student,
Rostov Institute (branch) of VSUJ
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don*

Аннотация. Автор анализирует вопросы противодействия использования информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ) в террористических целях условиях повсеместной цифровизации общества. Рассматривает угрозу кибертеррористических атак угрожающих критически важным информационным инфраструктурам, государственным учреждениям, финансовым системам и объектам жизнеобеспечения. Особое внимание уделяется широкому спектру этих угроз: от пропаганды и привлечения новых членов до осуществления кибератак на стратегически важные объекты.

Abstract. The author analyzes the challenges of countering the use of information and communications technologies (hereinafter referred to as ICT) for terrorist purposes in the context of the widespread digitalization of society. He examines the threat of cyberterrorist attacks against critical information infrastructures, government institutions, financial systems, and vital infrastructure. Particular attention is given to the broad spectrum of these threats: from propaganda and recruitment to cyberattacks on strategically important facilities.

Ключевые слова: кибертерроризм, Интернет, информационная безопасность, государственная политика, противодействие терроризму.

Keywords: cyberterrorism, Internet, information security, public policy, counter-terrorism.

В эпоху цифровой трансформации общества информационно-коммуникационные технологии пронизывают все ключевые сферы жизнедеятельности. Особую значимость приобретает защита крупномасштабных информационных систем – стратегических объектов государственного уровня, включая: критически важные инфраструктуры; государственные институты управления; финансовые организации; системы жизнеобеспечения населения. Именно эти структуры становятся главными мишенями для кибертеррористических атак – противоправных действий с использованием ИКТ. Преступления в данной сфере прежде всего направлены на дестабилизацию общественного порядка; нанесение ущерба инфраструктуре; психологическое воздействие на население. Внедрение информационных технологий привело к тому, что от информационных атак террористов в настоящее время не защищена ни одна страна вне зависимости от уровня развития [2, с. 254].

Открытость и доступность Интернет-ресурсов создает условия для распространения различных радикальных идеологий с использованием легальных информационных каналов. При этом террористами при помощи специального оборудования и программного обеспечения также

используются и закрытые каналы, позволяющие осуществлять взаимодействие между собой и вербовку новых сторонников. Кроме того, используя широко распространенные каналы связи, террористы переходят на общение между собой с помощью Интернет-форумов и различных сетевых компьютерных игр [6, с. 21].

Уровень противоправных деяний с использованием ИКТ в террористических целях возрастает в связи с несколькими факторами, а именно: возможностью осуществлять атаки из любой точки мира; относительно низкой стоимостью инструментов кибератак; трудностями в выявлении и задержании злоумышленников. Оборот новых технологий террористами все больше усиливает рост преступлений, и чтобы объем таких деяний сокращался государство принимает меры, контролируя данную сферу через федеральные законы. Одним из них является Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, при применении информационных технологий, а также при обеспечении защиты информации [12].

Рост террористической угрозы в Российской Федерации, а также сохраняющиеся очаги терроризма по всему миру способствуют увеличению угрозы распространения и пропаганды терроризма, а также осуществления компьютерных атак в террористических целях на критическую информационную инфраструктуру [13].

Актуальность исследования политики противодействия кибертерроризму в Российской Федерации вызвано необходимостью глубокого осмысления теоретико-методологических, организационных, политических основ разработки и реализации данного вида политики.

Борьба с терроризмом представляет собой многогранную проблему, обуславливающую необходимость трансформаций в политической, социально-экономической и духовной сферах общественной жизни. В связи с этим, первостепенное значение приобретает формирование ясной и действенной государственной стратегии противодействия терроризму. Комплексный характер данной угрозы подчеркивает важность изучения механизмов взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными органами власти в процессе нейтрализации террористической опасности.

Интернет и цифровые технологии значительно упростили террористическим и экстремистским группировкам распространение их вредоносных идей. Мессенджеры, особенно востребованные молодежью, стали незаменимым средством для координации действий, сбора

финансов и создания автономных ячеек. Эти организации активно используют свои веб-сайты для вербовки, пропаганды, поиска единомышленников, идеологической обработки и подготовки к совершению насильственных актов, а также для информирования о своей деятельности.

Интернет служит международным экстремистским и террористическим организациям многофункциональной платформой. С его помощью они информируют о своей деятельности, демонстрируют силу, поддерживают коммуникацию, расширяют свою социальную базу, обучают и идеологически обрабатывают членов, а также собирают финансовые ресурсы. Именно поэтому для каждой страны важна защита персональных данных и внедрение в государственную политику способов защиты населения. В Российской Федерации это контролирует Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», регулирующий отношения, связанные с обработкой персональных данных, и устанавливающий принципы, обязанности операторов и ответственность за нарушение требований закона [1]. Современные информационные технологии, оказавшись в распоряжении международных экстремистских и террористических организаций, позволяют им на качественно ином уровне организовывать процесс расширения своей пособнической базы, совершенствовать методы вербовки новых членов. Кроме того, использование широкого спектра технологий дает возможность формировать глобальную социальную и информационную среду экстремизма и терроризма [9, с. 188].

В своей работе Ахьядов Э.С.-М. утверждает, что основным субъектом реализации государственной политики в рассматриваемой сфере, безусловно, является само государство, так как только государство в лице его органов полномочно устанавливать и реализовывать общие для всех правила поведения, обеспечения их исполнения, в том числе, и мерами принуждения. Кроме того, как и любое демократическое государство, Россия является для своих граждан гарантом обеспечения защищенности личности (в том числе – от террористических угроз), а также должно обеспечивать гражданам возможность реализации своих прав и свобод [3, с. 469].

Государство, обладая необходимыми ресурсами и полномочиями, способно противостоять угрозам, в том числе информационному терроризму. Для этого оно задействует свой аппарат, привлекает научные и другие общественные ресурсы для построения системы защиты. В реализации этой политики участвуют институты гражданского общества, муниципалитеты, а также юридические и физические лица. Таким образом, все эти участники становятся субъектами государственной политики в сфере борьбы с информационным терроризмом.

Веренич И.Г. считает, что государственная политика противодействия террористическим угрозам в информационной сфере должна быть направлена на координацию совместных усилий субъектов борьбы с терроризмом не только путем проведения контртеррористических операций, но и опережающей деятельности в области защиты морального и психологического состояния граждан от негативного воздействия террористов через средства массовой информации. Необходимо осознавать, что цифровые технологии составляют в настоящее время такой же властный и силовой ресурс, как и традиционные институты образования и религии [5, с. 296].

В соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, информационная безопасность выделяется в качестве одного из основных стратегических национальных приоритетов, а укрепление суверенитета РФ в информационном пространстве определяется в качестве цели обеспечения информационной безопасности [10]. Подчеркивается, что успешное достижение поставленной цели обеспечивается посредством реализации государственной политики, сфокусированной на пресечении использования информационной инфраструктуры Российской Федерации экстремистскими и террористическими формированиями, а также специальными службами и пропагандистскими аппаратами иностранных государств в целях осуществления деструктивного информационного воздействия на граждан и общество.

Основным стратегическим документом в сфере обеспечения безопасности от террористических угроз является Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 года, определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации [7].

Одним из ключевых документов государственной политики, направленной на международную борьбу в области информационной безопасности является Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 года № 213 «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности», отражающий официальные взгляды на сущность международной информационной безопасности и определяющий основные угрозы, цели и задачи государственной политики в этой области, а также основные направления её реализации [11].

Для глубокого понимания современных вызовов информационного противодействия терроризму, ключевое значение приобретает разработка политологической методологии исследования данного феномена. Создание такой методологии является необходимым условием для решения актуальных научных проблем в этой области.

Выработка мер, направленных на противодействие таким противоправным деяниям, должна учитывать уже существующие теоретические подходы к правовому регулированию данной категории преступлений, так как они наиболее адекватно отражают ту модель нормативного закрепления, которая позволит наиболее эффективно противодействовать кибертерроризму [8, с. 191].

Текущие методы борьбы с киберпреступностью недостаточно эффективны в противодействии киберпреступности. Ключевая проблема заключается в пробелах законодательства: отсутствуют точные формулировки и определения, необходимые для адекватной правовой оценки киберпреступлений. Законодательная база нуждается в уточнении, включая более подробное описание методов совершения таких преступлений и особенностей доказательной базы. Помимо этого, значительная часть киберпреступлений остаётся нераскрытой из-за сложностей с получением доказательств и затяжных судебных процессов. Квалификация привлекаемых специалистов часто недостаточна для эффективного расследования технических нюансов.

Для повышения эффективности противодействия киберпреступности предлагается внести изменения в действующее законодательство Российской Федерации. Среди возможных мер: четкое определение понятий «киберпреступность», «компьютерная атака», «информационная угроза». Создание специализированных подразделений полиции и прокуратуры, обладающих необходимыми знаниями и опытом расследования высокотехнологичных преступлений [6]. Улучшение взаимодействия правоохранительных органов с частными компаниями и международными организациями в целях обмена информацией и сотрудничества. Повышение уровня подготовки специалистов в области кибербезопасности путём разработки образовательных программ и курсов переподготовки кадров. Кроме того, необходима активная работа с населением по информированию о рисках, связанных с информационными технологиями, и мерах предосторожности [14, с. 55]. Только всесторонний подход, объединяющий правовые, организационные и технические решения, позволит гарантировать защиту от кибертеррористических угроз и создать условия для безопасного функционирования цифрового общества.

Список литературы:

1. Акулова Е.В. Правовое обеспечение противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в террористических целях как угрозе информационной безопасности: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 25 с.
2. Акулова Е.В. Государственная политика противодействия использованию информационных технологий в террористических целях как одной из угроз информационной безопасности: правовые аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – №3. — С. 252-259.
3. Ахъядов Э.С.-М. Государственная политика в сфере противодействия информационному терроризму // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №4. — С. 469-471.
4. Барабанова Д.В., Воропаева Е.В. Преступления против несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет: понятие, признаки, характеристика // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам ХСІХ междунар. науч.-практ. конф. – № 4(99). – М., Изд. «МЦНО», 2025.
5. Веренич И.Г. Противодействие терроризму в информационном пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – №1. — С. 293-296.
6. Кобец П.Н. Противодействие терроризму в информационной сфере: опыт и проблемы // Научный портал МВД России. – 2021. – №3 (55) — С. 18-26.
7. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. № 198.
8. Мельник С.С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – №1 (65) — С. 187-192.
9. Опалев А.В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №5. — С. 187-190.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 535110.
11. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности" // Собрание законодательства РФ. 2021. № 16 (часть I). Ст. 2746.
12. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства. 2006. №31 (часть I). Ст. 3448.

13. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. №31 (часть I). Ст. 3451.
14. Черенцов Р.С. Проблемы правового регулирования киберпреступности в современной России // Актуальные исследования. – 2025. -№ 21 (256). - Ч.III. - С. 54-56.

2.3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ

Воропаева Елена Валерьевна

преподаватель,
Ростовский институт,
филиал Всероссийского государственного университета
юстиции РПА Минюста России в г. Ростове-на-Дону,
РФ, г. Ростов-на-Дону

Кононова Диана Александровна

студент,
Ростовский институт,
филиал Всероссийского государственного университета
юстиции РПА Минюста России в г. Ростове-на-Дону,
РФ, г. Ростов-на-Дону

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MIGRATION

Voropaeva Elena Valerievna

Teacher,
Rostov Institute (branch)
of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don

Kononova Diana Aleksandrovna

Student,
Rostov Institute (branch)
of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В работе проводится комплексный анализ международно-правового регулирования миграционных процессов в условиях глобализации. Исследуются основные источники международного

миграционного права, включая универсальные и региональные инструменты регулирования. На основе статистических данных анализируются современные миграционные потоки, причины миграции, а также политика различных государств – от либеральных до жестко ограничительных моделей.

Abstract. This paper provides a comprehensive analysis of the international legal regulation of migration processes in the context of globalization. It examines the main sources of international migration law, including universal and regional regulatory instruments. Using statistical data, it analyzes contemporary migration flows, the causes of migration, and the policies of various states—from liberal to highly restrictive models.

Ключевые слова: международное миграционное право, миграционные потоки, трудящиеся-мигранты, государственный суверенитет, нелегальная миграция, интеграция мигрантов, политика убежища, глобальное управление миграцией, права человека.

Keywords: international migration law, migration flows, migrant workers, state sovereignty, irregular migration, migrant integration, asylum policy, global migration governance, human rights.

Международная миграция является одним из ключевых феноменов глобализации, оказывающим сильное влияние на социально-экономическое, политическое и демографическое развитие государств. По данным последних оценок Международной организации по миграции (МОМ) и Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, наблюдаемая в последние годы устойчивая динамика роста числа международных мигрантов сохраняется. Если в 2020 году глобальное число мигрантов составляло около 281 миллиона человек (3.6% мирового населения), то к началу 2025 года, согласно прогнозным оценкам экспертов, основанным на данных за 2022-2024 годы, эта цифра приближается к 300 миллионам, что отражает восстановление и даже ускорение мобильности после пандемийных ограничений. Этот процесс носит неоднородный характер: основные потоки исторически направлены из развивающихся стран в развитые, при этом, согласно актуальным исследованиям, около двух третей всех мигрантов по-прежнему сосредоточены в двадцати государствах. Среди них, по последним доступным данным, лидируют США (более 51 млн мигрантов), Германия (около 16-17 млн), Саудовская Аравия (примерно 13,5 млн, во многом за счет трудовых мигрантов), Россия (по данным Росстата, порядка 11-12 млн иностранных граждан с учетом трудовых мигрантов и переселенцев) и Великобритания (около 9-10 млн) [1, с. 121].

Источники международно-правового регулирования миграции образуют многоуровневую систему, включающую универсальные, региональные и двусторонние инструменты. На универсальном уровне основополагающими документами являются Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) и Протокол, касающийся статуса беженцев от 31 января 1967 года, устанавливающие принцип невыдворения и определяющие права лиц, ищущих убежища [5,9]. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.), хотя и ратифицированная ограниченным числом государств, закладывает стандарты обращения с трудовыми мигрантами [6].

Как упоминает доктор юридических наук Урда Маргарита Николаевна, на региональном уровне сформировались различные модели регулирования. Европейский Союз создал наиболее развитую систему, включающую Шенгенское соглашение, Дублинское регулирование (определяющее государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища), и директивы по условиям приема, процедурам предоставления убежища и квалификации беженцев. Однако миграционный кризис 2015-2016 годов выявил слабости этой системы, приведя к ужесточению политики и росту популистских настроений [12, с. 14].

В Северной Америке Соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (USMCA) включает положения о временной трудовой миграции, но общая политика США остается жесткой, особенно в отношении нелегальной миграции через мексиканскую границу. В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) действуют либеральные правила трудовой миграции для граждан государств-членов, что способствует значительным потокам, прежде всего, в Россию из Центральной Азии [4, с. 12].

Дутов Павел Олегович, кандидат юридических наук относит к числу либеральных юрисдикций Канаду, Австралию и Новую Зеландию, где действуют системы баллов (points-based systems), поощряющие образованную и квалифицированную миграцию. Германия, несмотря на сложности интеграции, сохраняет открытость для квалифицированных специалистов и лиц, ищущих убежища, особенно после реформ «зелено-красной» коалиции. ОАЭ и Катар, хотя и критикуются за условия труда низкоквалифицированных мигрантов, активно привлекают иностранных специалистов в нефтегазовый сектор, финансы и строительство, предлагая налоговые льготы и высокие зарплаты [2, с. 6].

В противоположность этому, группа стран проводит жесткую, зачастую ограничительную политику. Венгрия при правительстве Виктора Орбана возвела пограничные заграждения, ужесточила законодательство об убежище и выступает против квот ЕС по расселению беженцев. Япония, несмотря на демографический кризис и нехватку рабочей силы, остается одной из самых закрытых стран для постоянной миграции, делая ставку на временных трудовых мигрантов по техническим программам стажировки. Австрия и Дания в последние годы существенно ужесточили условия для воссоединения семей и получения социальных пособий мигрантами. Израиль, сохраняя «Закон о возвращении» для евреев, ограничивает въезд нееврейских мигрантов и строит барьер на границе с Египтом [10, с. 327].

Проблематика международно-правового регулирования миграции носит комплексный характер. Ключевой правовой проблемой является противоречие между суверенным правом государства контролировать въезд на свою территорию и международными обязательствами по защите прав человека, включая право искать убежища от преследований. Это противоречие ярко проявилось в практике «выталкивания» мигрантов на границах ЕС и в действиях австралийских властей, перенаправляющих лодки с беженцами в центры обработки на островах Науру и Манус. Другой острой проблемой является растущий разрыв между правовыми стандартами защиты и реальной практикой их применения. Например, условия содержания мигрантов в лагерях на греческих островах или на южной границе США часто не соответствуют требованиям человеческого достоинства [3, с. 152].

Социально-экономические проблемы включают эксплуатацию трудовых мигрантов, особенно в странах Персидского залива и в неформальном секторе экономики развитых стран, где они сталкиваются с заниженной оплатой труда, конфискацией документов и нарушением трудовых прав. Демографические вызовы, такие как старение населения в Европе и Восточной Азии, создают объективную потребность в мигрантах, но сталкиваются с социальным сопротивлением и опасениями по поводу интеграции. Политизация миграции, использование ее как инструмента гибридного воздействия (как в случае с Беларусью и Польшей в 2021 году) и рост националистических, антимигрантских партий еще более осложняют выработку рациональных решений [7, с. 3].

В качестве путей решения проблематики эксперты предлагают многоуровневую стратегию. На универсальном уровне необходимо продвижение к принятию Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (принят ООН в 2018 году) и Глобального договора о беженцах, которые, хотя и не являются юридически

обязательными, задают рамки для сотрудничества. Укрепление мандата и ресурсов Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) и Международной организации по миграции (МОМ) является важным условием. На региональном уровне необходимо углубление сотрудничества по схемам легальной миграции, взаимному признанию квалификаций и созданию общих центров обработки ходатайств об убежище на внешних границах, как это предлагается в рамках реформы европейской системы убежища [8, с. 13].

На национальном уровне перспективными представляются развитие «циркулярной миграции» – программ, позволяющих мигрантам временно работать за рубежом с последующим возвращением на родину, что выгодно обеим сторонам. Инвестиции в интеграционные программы, включая языковые курсы, профессиональную переподготовку и межкультурный диалог, доказали свою эффективность в снижении напряженности в долгосрочной перспективе (опыт Канады, Швеции). Борьба с первопричинами нелегальной миграции через увеличение официальной помощи развитию, поддержку экономического роста и стабильности в странах происхождения мигрантов является стратегической задачей. Наконец, развитие легальных каналов миграции, упрощение процедур для воссоединения семей и для трудовых мигрантов востребованных профессий может снизить давление на нелегальные потоки [11, с. 12].

Таким образом, международно-правовое регулирование миграции находится в состоянии динамичной трансформации под влиянием глобальных вызовов. Несмотря на существование развитой нормативной базы, ее эффективность подрывается фрагментарностью, политической конфликтностью и расхождением между правом и практикой. Будущее регулирования видится в поиске трудного баланса между безопасностью и гуманизмом, суверенитетом и солидарностью, экономическими интересами и правами человека. Успех будет зависеть от способности международного сообщества перейти от реактивной политики кризисного управления к построению проактивной, справедливой и устойчивой глобальной миграционной системы, основанной на принципах разделения ответственности и уважения достоинства каждого человека.

Список литературы:

1. Амельчаков И.Ф. Влияние современных тенденций международной миграции на формирование нормативной правовой базы регулирования миграции в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – №4. – С. 112-135.
2. Дутов П.О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции: Автореф. дисс. канд. юр. наук – М., 2021. – 30 с.

3. Коженко Я.В. Демографическая безопасность: теоретико-правовой аспект // Сборник научных трудов по материалам V Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 150-156.
4. Коженко Я.В. Роль и значение демографической безопасности как вида национальной безопасности // Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. – Анапа, 2023. – С. 9-14.
5. Конвенция о статусе беженцев (принятая в Женеве, 28.07.1951 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.
6. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) // Справочная правовая система «Гарант».
7. Назырова Н.Х. Проблемы законодательного регулирования миграционных процессов // E-Scio. – 2021. – №9 (60). – С. 1-5.
8. Полозкова О.И. Международное сотрудничество как мера противодействия незаконной миграции // Science Time. – 2021. – №4 (88). – С. 10-13.
9. Протокол, касающийся статуса беженцев от 31 января 1967 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9.
10. Репникова Э.Ю. Особенности правовой терминологии в нормативном регулировании миграции // Право: история и современность. – 2025. – №3. – С. 323-334.
11. Тимошук М.А. Международно-правовые акты в сфере противодействия незаконной миграции // Экономика и право. XXI век. – 2025. – №2. – С. 11-14.
12. Урда М.Н. Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: Автореф. дисс. док. юр. наук. – М., 2023. – 50 с.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ

Ланцева Вероника Юрьевна

канд. юрид. наук, доц.,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Данченко Маргарита Борисовна

магистрант,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Аннотация. В статье рассмотрена система международно-правовых гарантий экологической безопасности Каспийского моря. Проанализирована роль международных документов в организации природоохранной деятельности в регионе, уделено особое внимание двусторонним соглашениям прикаспийских государств. На основе анализа действующего законодательства международного экологического сотрудничества выделены основные достижения и обозначены возможные пути совершенствования правовой базы. Сделан вывод, подтверждающий что действующий комплекс соглашений создает прочную основу для поддержания экологического баланса Каспийского региона при условии дальнейшего развития нормативной базы.

Ключевые слова: Каспийское море, экологическая безопасность, международное сотрудничество, природоохранное законодательство, конвенции, охрана окружающей среды

Защита окружающей среды Каспия является приоритетным направлением природоохранной политики прикаспийских государств – России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана. Актуальность изучения нормативно-правовой базы обусловлена нарастающим антропогенным воздействием на экосистему моря, включая загрязнение нефтепродуктами, сброс промышленных и бытовых стоков, браконьерство и изменение гидрологического режима [1].

Одним из важнейших договоров является Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, подписанная в 2018 году и участниками

которой являются Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан. Данный документ определяет принципы сотрудничества в области использования ресурсов, охраны окружающей среды и борьбы с загрязнениями, а также устанавливает пределы полномочий государств в процессе принятия национальных законов, регулирующих экологическую деятельность в Каспийском море.

Ещё одним важным документом является Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря, подписанная в 2003 году и вступившая в силу в 2006 году. Конвенция содержит общие положения об охране морской среды, включая предотвращение, сокращение и контроль загрязнения из наземных и морских источников, а также сохранение морского биоразнообразия. Данная конвенция заложила основы регионального сотрудничества в области экологии, опирающиеся на такие принципы, как предосторожность, ответственность за загрязнение и обмен информацией.

Насколько действенна конвенция зависит от наличия соответствующих протоколов, четко определяющих обязательства сторон. На данный момент принят и подписан только один протокол – по готовности и реагированию на крупные разливы нефти (утвержден в 2005 г., подписан в 2011 г.), тогда как остальные протоколы, касающиеся загрязнения с суши, трансграничной экологической экспертизы, сохранения биоразнообразия и других вопросов, все ещё актуальны для достижения полного их выполнения.

Двусторонние договоры между прикаспийскими странами являются практическим инструментом реализации международных принципов и часто служат «мостом» между декларациями и национальной практикой. Примером служит соглашение 1997 года между Казахстаном и Азербайджаном, в котором статья 2 определяет направления сотрудничества по охране окружающей среды: сохранение и рациональное использование биоразнообразия, включая миграции рыбных популяций; обеспечение экологической безопасности акваторий обеих стран; предотвращение загрязнений, в том числе от захоронения отходов; координация контроля за перемещением опасных грузов; охрана водоплавающих и промысловых птиц, жизненные циклы которых затрагивают территории двух государств. Такие соглашения важны для оперативного регулирования конкретных вопросов, но нередко содержат технические пробелы и оставляют пространство для неоднозначных толкований.

Важно отметить, что страны Прикаспийского региона приняли конструктивное решение, отделив вопросы охраны окружающей среды от прочих насущных проблем, связанных с определением правового

статуса Каспийского моря, таких как делимитация границ и обеспечение безопасности. Такой подход следует рассматривать как положительный и перспективный.

Тем не менее перед правовой системой региона стоят существенные вызовы. Отмечается неопределённость механизмов материальной и экологической ответственности за трансграничный ущерб, фрагментарность регулирования деятельности частных операторов, необходимость согласования единых подходов к регулированию рыболовства и мониторингу миграций, а также слабая императивность исполнения некоторых конвенционных положений. Формализация обязательств и сопровождение их механизмами контроля, санкций и финансово-технической поддержки являются необходимыми условиями перехода от деклараций к практическим результатам.

Протокол о готовности и реагировании на разливы нефти служит примером того, как юридические нормы должны трансформироваться в оперативную инфраструктуру. В рамках двустороннего сотрудничества функционируют совместные рабочие группы и комиссии по экологическим вопросам.

Правовой режим Каспийского моря долгое время был неопределённым, что создавало препятствия для эффективного экологического регулирования. До подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 года действовали советско-иранские договоры 1921 и 1940 годов, которые не содержали положений по охране окружающей среды и не учитывали появление новых прикаспийских государств после распада СССР.

Конвенция 2018 года закрепила особый правовой статус Каспия как водоема, не являющегося ни морем в смысле Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, ни озером по нормам международного речного права. Было установлено деление Каспия на прибрежные воды шириной 15 морских миль, рыболовные зоны шириной 10 морских миль за пределами прибрежных вод, и дно, разделенное по срединной линии или по договоренности. Это деление определяет распределение ответственности за экологическое состояние различных частей акватории.

Перспективы развития правового регулирования связаны с принятием дополнительных протоколов к конвенции Тегеран, охватывающих новые угрозы экологической безопасности, такие как микропластик, инвазивные виды, последствия климатических изменений. Нужна региональная стратегия адаптации к изменению климата, с учетом специфики Каспия, включая колебания уровня моря и изменение гидрологического режима.

Укрепление институциональной базы за счет расширения полномочий и ресурсов секретариата Тегеранской конвенции, создания региональных центров мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации повысит эффективность работы в области охраны окружающей среды. Важным направлением является гармонизация национального законодательства на основе лучших международных практик и стандартов.

Развитие механизмов экономического стимулирования природоохранной деятельности, в том числе путем создания региональных экологических фондов, систем торговли квотами на выбросы, «зеленого» финансирования, может привлечь дополнительные ресурсы для реализации природоохранных проектов.

Система двусторонних соглашений между прикаспийскими странами формирует надежную базу для согласования природоохранных мер и регулирования экономической деятельности с целью поддержания экологического равновесия в море.

Список литературы:

1. Ланцева, В.Ю. Правовое регулирование экологичности как критерия качества оказания морских транспортных услуг / В.Ю. Ланцева, Н.С. Мигда // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8(183). – С. 51-53. – EDN UWPLAA.
2. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. // Временный Секретариат Тегеранской конвенции. URL: <https://www.teheranconvention.org/> (дата обращения: 24.11.2025)
3. Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран 2001 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2025).
5. Мурсалиев А.О. Охрана окружающей среды Каспийского моря: международно-правовые аспекты // Репозиторий МГИМО. URL: <https://open.mgimo.ru/handle/123456789/113> (дата обращения: 24.11.2025)
6. Рыженков А.Я. О правовом режиме Каспийского моря // Известия Саратовского университета. 2023. № 2. С. 200-207. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-2-200-207
7. Алиев, З.Г. Правовое регулирование охраны окружающей среды Каспийского моря / З.Г. Алиев. – Баку: Элм, 2022. – 256 с.
8. Васильев, Н.Г. Международно-правовой режим Каспийского моря/ Н.Г. Васильев. – М.: Международные отношения, 2021. – 320 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АВТОНОМНЫХ МОРСКИХ СУДОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Мигда Наталья Сергеевна

канд. юрид. наук, доц.,
Государственный морской университет
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Кучерова Юлия Игоревна

магистрант,
Государственный морской университет
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Магомедова Луиза Максимовна

магистрант,
Государственный морской университет
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса морских автономных надводных судов (МАНС) в условиях активного развития технологий автономного судоходства. Рассматриваются ключевые проблемы квалификации таких судов как объектов морского права с учетом четырех степеней автономности, предложенных ИМО, а также сложности распределения ответственности за причиненный ущерб в отсутствие традиционного экипажа на борту. На основе анализа российского и международного опыта делается вывод о необходимости дальнейшей гармонизации правовых норм для безопасной и эффективной интеграции автономных судов в глобальную систему морских перевозок.

Abstract. This article analyzes the legal status of autonomous surface vessels (ASVs) amid the rapid development of autonomous shipping technologies. It examines key issues related to the classification of such vessels as objects of maritime law, taking into account the four degrees of autonomy proposed by the IMO, as well as the complexities of allocating liability for damage caused in the absence of a traditional crew on board. Based on an analysis of Russian and international experience, it concludes that further harmonization of legal norms is necessary for the safe and effective integration of autonomous vessels into the global maritime transportation system.

Ключевые слова: морские автономные надводные суда (МАНС), степень автономности, правовая квалификация, судно, ответственность, безопасность мореплавания, ИМО, внешний капитан.

Keywords: autonomous marine surface vessels (ANAS), degree of autonomy, legal qualification, vessel, liability, navigation safety, IMO, external master.

Автономные морские суда, или морские автономные надводные суда (МАНС), представляют собой инновационные плавсредства, способные выполнять навигационные задачи с минимальным или полным отсутствием человеческого вмешательства. Эти технологии обещают повысить эффективность перевозок, снизить эксплуатационные расходы и минимизировать влияние человеческого фактора на аварийность, однако они одновременно порождают множество правовых вызовов[7]. Центральными среди них выступают вопросы квалификации таких судов как полноценных субъектов морского права, распределения ответственности за возможный ущерб и обеспечения безопасности плавания в условиях растущей автономности. Анализ этих проблем требует комплексного подхода, учитывающего как международные стандарты, разрабатываемые Международной морской организацией (ИМО), так и национальные правовые инициативы, в частности в Российской Федерации.

Правовое понятие морского судна требует адаптации для учета степеней автономности, где от минимальной автоматизации до полного самоуправления меняется роль человека [3]. Например, судно с автоматизированными процессами, но с присутствующим экипажем, все еще подпадает под классические нормы, в то время как полностью автономное средство вызывает сомнения в его статусе как «судна» в смысле Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS) [8].

ИМО ввела классификацию МАНС по четырем степеням автономности. Эта градация, закрепленная в предварительных руководствах ИМО от 2019 года, служит основой для квалификации, но требует законодательного закрепления на национальном уровне [6]. В России, где эксперименты по эксплуатации автономных судов проводятся с 2020 года в соответствии с Постановлением Правительства № 2031, квалификация зависит от степени автономности, определяя, будет ли судно рассматриваться как традиционное или как объект с «внешним капитаном» и специальным персоналом [5]. Проблема здесь заключается в отсутствии унифицированных критериев: без четкой квалификации возникают риски отказа в регистрации или признании в международных водах, что тормозит коммерциализацию технологий.

Генезис регулирования автономного надводного судоходства эволюционировал от разрозненных национальных инициатив к глобальным усилиям ИМО, где упражнение по определению сферы охвата 2017–2021 годов выявил пробелы в существующих конвенциях, таких как SOLAS и COLREGs. Эти пробелы касаются не только квалификации, но и интеграции МАНС в общий трафик, где алгоритмы должны соответствовать правилам предотвращения столкновений, традиционно ориентированным на человеческий фактор [1]. В итоге, квалификация автономных судов остается открытым вопросом, требующим баланса между инновациями и сохранением правовой определенности.

Ответственность за эксплуатацию морских судов традиционно распределяется между судовладельцем, капитаном и экипажем, с учетом норм гражданской и уголовной ответственности за ущерб от загрязнения, столкновений или потери груза. С появлением автономных систем эта схема усложняется: кто несет вину за ошибку алгоритма – разработчик ПО, оператор на берегу или владелец? [4]. В международном праве конвенции вроде Брюссельского протокола 1968 года или Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 года предполагают ответственность на основе вины или без вины, но не учитывают сценарии, где причинно-следственная связь прерывается автоматизацией.

Для МАНС ИМО в ходе работы по определению сферы охвата регулирования отметила необходимость уточнений в механизмах ответственности, особенно для степеней 3 и 4, где отсутствие экипажа исключает личную вину моряков. Возможны модели солидарной ответственности судовладельца и удаленного оператора, с обязательным страхованием рисков, аналогичным фондам компенсаций по HNS Convention.

Автономные суда обещают снизить аварийность, вызванную ошибками экипажа (до 80% инцидентов), но вводят новые угрозы: киберриски, сбои в системах навигации и отсутствие немедленного человеческого реагирования на чрезвычайные ситуации. Проблемы безопасности проявляются в необходимости квалификационных требований к удаленным операторам, аналогичных STCW, и в адаптации COLREGs для алгоритмов, способных на «предвидение» столкновений [3]. Кроме того, экологическая безопасность, включая предотвращение разливов, остается актуальной: автоматизация должна соответствовать MARPOL, с учетом рисков от автономных танкеров.

В заключении хотелось подвести итог. Для решения вышеуказанных проблем необходимо ввести режим безвиновной ответственности, то есть привлечение к ответственности по факту совершения деяния, и нанесения ущерба, а также привлечения к ответственности не только

оператора, но и разработчика программного обеспечения, хотя бы частично. Также необходимо уделить особое внимание сфере страхования, покрывая риски, понесенные при кибератаках или нанесению ущерба как имуществу, так и окружающей среде.

Список литературы:

1. Головина, А.А. Законодательное закрепление уровней автономности морских автономных надводных судов / А.А. Головина // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. – 2024. – № 4(49). – С. 59-63. – EDN YQJUTU.
2. Клюев, В.В. Генезис регулирования правоотношений в области автономного надводного судоходства / В.В. Клюев // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8(184). – С. 213-220. – DOI 10.24158/tpor.2023.8.27. – EDN YXWAGS.
3. Клюев, В.В. Правовой статус автономного надводного судна в зависимости от степени автономности / В.В. Клюев // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 3(47). – С. 57-70. – EDN YYQZNE.
4. Литвин, Т.А. Проблемы определения правового статуса автономного морского судна / Т.А. Литвин, В.И. Брик // Наука, техника и инновации: гипотезы, проблемы, результаты : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Профессиональная наука, 2022. – С. 127-132. – DOI 10.54092/9781458338945_127. – EDN LTYPNN.
5. Мигда, Н.С. Внедрение искусственного интеллекта в логистике: правовые цели, административно-правовые задачи, проблемы и пути их решения / Н.С. Мигда, А.Г. Григорян, П.Н. Веденева // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. – 2023. – № 3(44). – С. 114-116. – EDN DDSTYQ.
6. Мигда, Н.С. Перспективы развития цифровизации транспортной отрасли / Н.С. Мигда // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. – 2023. – № 2(43). – С. 120-121. – EDN AYHSST.
7. Перспективы цифровизации логистики и транспортной инфраструктуры Российской Федерации / Н.С. Мигда, В.Ю. Ланцева, А.В. Семенов, И.С. Куликовская // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов : Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции, Москва, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Печатный цех, 2023. – С. 206-214. – EDN UAIFUS.
8. Щербань, А.В. Правовое понятие морского судна в контексте автономного морского судоходства / А.В. Щербань // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 6(186). – С. 76-79. – EDN BSMCWS.

ЦИФРОВЫЕ УГРОЗЫ В СИСТЕМЕ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Семенов Андрей Викторович

канд. юрид. наук, доц.,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Сигарёв Илья Валерьевич

магистрант,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
РФ, г. Новороссийск

Аннотация. Активное внедрение цифровых технологий в морскую отрасль формирует новый класс угроз, связанных с кибер-инцидентами. Сложившаяся отрасль морского страхования, основанная на традиционных методах, демонстрирует свою неэффективность при столкновении с рисками киберпространства. В статье исследуются правовые проблемы, возникающие при квалификации цифровых инцидентов в рамках страхования корпуса и машин (H&M) и ответственности судовладельцев (P&I). Особое внимание уделяется анализу противоречий, связанных с отнесением кибератак к категории «морской опасности», установлением причинно-следственной связи между инцидентом и ущербом, а также распределением ответственности среди множества участников морской перевозки. Будут сформулированы предложения по совершенствованию практики заключения, расторжения договоров и правового регулирования в данной сфере.

Abstract. The active introduction of digital technologies into the maritime industry creates new classes of threats associated with cyber incidents. The established system of marine insurance, based on traditional approaches, demonstrates its inefficiency when confronted with the risks of cyberspace. The article examines the legal problems arising from the qualification of digital incidents within the framework of hull and machinery insurance (H&M) and protection and indemnity insurance (P&I). Special attention is paid to the analysis of contradictions related to the classification of cyber attacks as "marine perils", establishing a causal relationship between the incident and damage, and distributing liability among the numerous participants in maritime

transport. Proposals for improving contractual practices and regulation in this area are formulated.

Ключевые слова: морское право, страховое право, кибер-риски, хакерские атаки, страхование судов, ответственность перевозчика, цифровая трансформация.

Keywords: maritime law, insurance law, cyber risks, hacker attacks, hull insurance, carrier liability, digital transformation.

Складывающаяся в течение многих лет система морского страхования оказалась не готова к грамотному реагированию на вызовы цифровой эпохи. Классические полисы H&M и P&I, сформированные вокруг концепции физических и природных опасностей, не соответствуют природе кибер-угроз, что порождает правовые коллизии, а также демонстрируют некие пробелы в праве при наступлении страховых случаев [1]. Отсутствие единообразного подхода к квалификации таких инцидентов и распределению убытков создает значительные правовые риски для всех участников отрасли.

Одна из главных проблем заключается в несовместимости характеристик кибер-угроз с традиционными категориями морского страхования. Классические правила Institute Clauses предусматривают покрытие от конкретно определенных «опасностей моря» – стихийных явлений, столкновений, пожаров, пиратства. Кибератака, будучи целенаправленным, часто дистанционным и нематериальным актом, не соответствует ни одной из этих категорий по своей правовой природе [2].

Даже при наличии прямого физического ущерба, вызванного кибератакой, страховщик может оспорить свою обязанность по выплате, ссылаясь на исключения, связанные с виной страхователя. Правила страхования обычно исключают покрытие убытков, вызванных «небрежностью» или «недостаточной заботливостью» (want of due diligence) со стороны судовладельца.

В сфере цифровизации это создает серьезные сложности доказывания. Страховщик может утверждать, что судовладелец не принял разумных мер кибер-безопасности: не обновил программное обеспечение, не разделил сетевую инфраструктуру, не обеспечил должное обучение экипажа. [3] Бремя доказывания надлежащей осмотрительности при этом возлагается на судовладельца, что требует от него документального подтверждения соответствия современным стандартам кибер-безопасности.

Клубы взаимного страхования P&I, являющиеся основой системы страхования ответственности судовладельцев, лишь частично

покрывают кибер-риски. Большинство клубов Международной группы предлагают ограниченное покрытие, распространяющееся преимущественно на расходы по соблюдению регуляторных требований и уведомлению пострадавших сторон, но исключающее коммерческие убытки [4].

Ключевая проблема заключается в том, что значительная часть ущерба от кибератак носит финансовый характер – потери от простоя судна, нарушение логистики, упущенная выгода. Такие косвенные убытки (consequential losses) традиционно исключаются из покрытия как полисов H&M, так и P&I, что оставляет судовладельцев без защиты от наиболее вероятных последствий кибер-инцидентов.

Кибер-инцидент в морской отрасли редко ограничивается отношениями «судовладелец-страховщик». В него вовлекаются операторы судна, фрахтователи, грузовладельцы, портовые операторы, поставщики программного обеспечения и телекоммуникационные компании. Установление виновного лица требует тщательного анализа, поскольку источник атаки может находиться за пределами судна – в береговых системах порта, IT-инфраструктуре фрахтователя или глобальных сетях поставок.

При наступлении кибер-инцидента, повлекшего ущерб для третьих лиц (например, загрязнение окружающей среды или столкновение судов), возникает вопрос о применимости международных конвенций, устанавливающих строгую ответственность судовладельца. Современные конвенции (CLC, BUNKER) не содержат прямых положений о кибер-инцидентах, что создает правовой вакуум. Адаптация страхового рынка к новым вызовам проявляется в разработке специализированных кибер-полисов, предлагающих комплексное покрытие, включая убытки от перерыва в деятельности, расходы на восстановление данных и кризис-менеджмент. Такие полисы функционируют параллельно с традиционным морским страхованием, создавая систему двойной защиты. Важным шагом стало появление стандартных формулировок, таких как BIMCO Cyber Security Clause, которые включаются в чартер и коносаменты [5]. Эти положения распределяют обязанности сторон по обеспечению кибер-безопасности и определяют последствия инцидентов, снижая уровень правовой неточности. Принятие ИМО Резолюции MSC.428(98), требующей включения управления кибер-рисками в системы безопасности судов (ISM Code), создает нормативную основу для требований к судовладельцам [6]. Это позволяет страховщикам использовать соответствие данным требованиям как критерий при оценке рисков и определении условий страхования.

Список литературы:

1. Мигда, Н.С. Внедрение искусственного интеллекта в логистике: правовые цели, административно-правовые задачи, проблемы и пути их решения / Н.С. Мигда, А.Г. Григорян, П.Н. Веденеева // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. – 2023. – № 3(44). – С. 114-116. – EDN DDSTYQ.
2. Мельников Н.П. Страхование морских рисков в цифровую эпоху: новые вызовы // Вестник гражданского права. – 2020. – № 3. – С. 45-52.
3. Мигда, Н.С. Финансово-правовое обеспечение развития транспортных технологий и информационного обеспечения / Н.С. Мигда // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2025. – № 3(118). – С. 5-9. – EDN NUVZDE.
4. Соколов Д.К. Страхование ответственности судовладельцев: современные тенденции // Морской вестник. – 2022. – № 1. – С. 67-74.
5. Ланцева, В.Ю. Правовое регулирование морского страхования в Российской империи / В.Ю. Ланцева, И.С. Куликовская // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1(176). – С. 91-92. – EDN EVXIWO.
6. Мигда, Н.С. Международно-правовые аспекты реализации инновационных инструментов в сфере оказания транспортных услуг / Н.С. Мигда // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2024. – № 5(114). – С. 8-11. – EDN BEFSIU.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА МОРСКОМ ТРАНСПОРТЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Сторчакова Ульяна Александровна

магистрант,

Государственный морской университет имени адмирала

Ф.Ф. Ушакова,

РФ, г. Новороссийск

Куликовская Ирина Сергеевна

преподаватель,

Государственный морской университет имени адмирала

Ф.Ф. Ушакова,

РФ, г. Новороссийск

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия и содержания пожарной безопасности на морском транспорте, а также анализу правового регулирования данной сферы. Рассмотрены специфические факторы пожароопасности на судах, основные элементы системы обеспечения пожарной безопасности, а также международные и национальные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы противопожарной защиты на морском транспорте.

Abstract. This article explores the concept and content of fire safety in maritime transport, as well as analyzes the legal regulation of this area. Specific fire hazard factors on ships, the main elements of a fire safety system, and also international and national regulatory legal acts governing fire protection issues in maritime transport.

Ключевые слова: пожарная безопасность, морской транспорт, судно, противопожарная защита, правовое регулирование, СОЛАС-74, Международный кодекс по системам пожарной безопасности (Кодекс FSS), национальное законодательство.

Keywords: fire safety, maritime transport, vessel, fire protection, legal regulation, SOLAS-74, International Code for Fire Safety Systems (FSS Code), national legislation.

Морской транспорт играет ключевую роль в мировой торговле и пассажирских перевозках. Однако, эксплуатация судов сопряжена с высоким риском возникновения пожаров, представляющих серьезную угрозу для жизни людей [1], сохранности имущества и окружающей

среды. Специфические условия морской среды, наличие на борту горючих материалов и легковоспламеняющихся жидкостей, замкнутость помещений, сложность эвакуации и тушения пожара – все это обуславливает необходимость особого подхода к обеспечению пожарной безопасности на морском транспорте. Пожарная безопасность на морском транспорте – это состояние защищенности судна, находящихся на его борту людей и имущества, а также окружающей среды от пожаров. Это комплекс организационных и технических мероприятий, направленных на предотвращение возникновения пожаров, обеспечение безопасной эвакуации людей в случае пожара, эффективное тушение пожара и минимизацию ущерба от него.

Содержание пожарной безопасности на морском транспорте включает в себя:

- Предотвращение пожаров, которая достигается путем выполнения противопожарных нормативов при использовании техники, складировании легковоспламеняющихся веществ, выполнении огневых манипуляций, а также за счет обучения команды правилам пожарной защиты [2].
- Обнаружение пожаров, которая достигается за счет внедрения автоматизированных пожарных извещателей, а также посредством систематических проверок зданий и технических устройств
- Обеспечение пожарной безопасности судна достигается посредством применения негорючих материалов в процессе постройки и внутренней отделки, разделения его на отсеки с противопожарной защитой, монтажа огнестойких дверей и перегородок, а также внедрения систем удаления дыма.
- Подавление огня достигается использованием стационарных установок тушения пожаров (водяных, пенных, газообразных) и мобильных огнетушителей, а также использованием индивидуальной экипировки пожарных.
- Эвакуация людей, безопасность, которых гарантируется благодаря разработанным схемам эвакуации, наличию необходимого спасательного оборудования (лодок, надувных платформ) и систематическим учениям по проведению эвакуационных мероприятий.

Основным международным нормативным актом, регулирующим вопросы пожарной безопасности на морском транспорте, является Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС-74) с поправками. Глава II-2 СОЛАС-74 посвящена вопросам противопожарной защиты, обнаружению и тушению пожаров. Она содержит требования к конструкции судна, оборудованию

противопожарными системами, обучению экипажа мерам пожарной безопасности.

Важным дополнением к СОЛАС-74 является Международный кодекс по системам пожарной безопасности (Кодекс FSS), который содержит детальные технические требования к системам пожарной сигнализации и пожаротушения, а также к противопожарному оборудованию.[3] Этот кодекс обязателен для применения государствами – участниками СОЛАС-74.

Кроме СОЛАС-74 и Кодекса FSS, вопросы пожарной безопасности на морском транспорте затрагиваются в других международных конвенциях и кодексах, таких как:

- Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78);
- Международный кодекс морской перевозки опасных грузов (МКМПОГ/IMDG Code);
- Международный кодекс по управлению безопасностью (МКУБ/ISM Code).

Большинство государств, имеющих собственный торговый флот, включают требования международных конвенций и кодексов в свое национальное законодательство. Национальное правовое регулирование обычно включает:

- Законы и нормативные акты, устанавливающие общие требования к пожарной безопасности судов.
- Правила технической эксплуатации и обслуживания судов, содержащие требования к противопожарному оборудованию и системам.
- Правила пожарной безопасности на судах.
- Положения об обучении и аттестации персонала по вопросам пожарной безопасности.
- Положения о контроле за соблюдением требований пожарной безопасности, осуществляемого морскими администрациями и классификационными обществами.

В Российской Федерации основные положения по пожарной безопасности на морском транспорте регламентируются:

- Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации;
- Федеральным законом от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [4];
- Техническим регламентом о безопасности объектов морского транспорта (Постановление Правительства РФ от 12.08.2010 № 620);
- Правилами противопожарного режима в Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479);

- Иными нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти.

Обеспечение пожарной безопасности на морском транспорте является сложной и многогранной задачей, требующей комплексного подхода, охватывающего все стадии жизненного цикла судна – от проектирования и строительства до эксплуатации и утилизации. Эффективная система пожарной безопасности должна базироваться на строгом соблюдении требований международных и национальных нормативных актов, постоянном совершенствовании технических средств противопожарной защиты, а также на повышении квалификации и ответственности персонала, занятого на морском транспорте.[5] Только при таком подходе можно обеспечить безопасность жизни людей, сохранность имущества и защиту окружающей среды от последствий пожаров на море.

Список литературы:

1. Ланцева, В.Ю. Правовое регулирование и организация охраны здоровья и медицинского обслуживания моряков на судах торгового флота / В.Ю. Ланцева, Н.С. Мигда // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 65-71. – DOI 10.32687/0869-866X-2022-30-1-65-71. – EDN TVAYQT.
2. "Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации" от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // "Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации" от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 24.06.2025)
3. К вопросу о международно-правовом регулировании труда моряков / В.Ю. Ланцева, Н.С. Мигда, А.В. Семенов, И.С. Куликовская // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции, Новосибирск, 21 апреля 2025 года. – Новосибирск: ООО "Сибирская академическая книга", 2025. – С. 124-127. – EDN RFLHOY.
4. Федеральный закон от 21.12.1994 N 69-ФЗ (ред. от 07.07.2025) "О пожарной безопасности"// Российская газета , №3, 05.01.1995
5. Бодягин, В.О. Понятие и содержание постановлений по делам об административных правонарушениях / В.О. Бодягин, Н.С. Мигда // Студенческий вестник. – 2025. – № 20-6(353). – С. 32-33. – EDN FPMLOP.

ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ РАЗРАБОТКИ НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ НА ШЕЛЬФЕ АРКТИКИ

Чикирка Екатерина Владимировна

аспирант

*Российского государственного университета нефти и газа
(Национального исследовательского университета)
имени И.М. Губкина,
РФ, г. Москва*

APPROACHES OF FOREIGN COUNTRIES TO THE LEGAL REGULATION OF OIL AND GAS RESOURCE DEVELOPMENT ON THE ARCTIC SHELF

Chikirka Ekaterina Vladimirovna

Postgraduate student,

*Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National Research University),
Russia, Moscow*

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования разведки и добычи нефти и газа на арктическом шельфе в условиях сокращения ледового покрова и роста экономической активности в регионе. Рассматриваются подходы прибрежных государств к обеспечению баланса между освоением углеводородных ресурсов и защитой уязвимых экосистем Арктики, а также интересов коренных народов. Анализируется влияние высоких стандартов экологической и промышленной безопасности на инвестиционную активность нефтегазовых компаний в арктических акваториях и рассматриваются международные инициативы регулирования освоения ресурсов Арктики.

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal regulation of oil and gas exploration and production on the Arctic shelf in the context of shrinking ice cover and growing economic activity in the region. It examines the approaches of coastal states to ensuring a balance between the development of hydrocarbon resources and the protection of vulnerable Arctic ecosystems, as well as the interests of indigenous peoples. The impact of high environmental and industrial safety standards on the investment activity of

oil and gas companies in Arctic waters is analyzed, and international initiatives to regulate the development of Arctic resources are considered.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственная политика, шельф, нормативные акты, нефтегазовые ресурсы, экологическая безопасность, устойчивое развитие, США, Канада, Арктический совет, международное сотрудничество;

Keywords: legal regulation, state policy, shelf, regulatory acts, oil and gas resources, environmental safety, sustainable development, USA, Canada, Arctic Council, international cooperation;

Уменьшение ледового покрова Арктики открывает перед прибрежными государствами значительные перспективы расширения экономической деятельности в регионе. Это касается добычи морских биоресурсов, развития транспортного потенциала и, безусловно, освоения месторождений нефти и газа. Разработка месторождений Севера связана не только с тяжёлыми климатическими условиями, что является серьёзным вызовом для компаний, проявляющих активность в регионе, но и с угрозой нанесения вреда уязвимой окружающей среде и традиционному укладу жизни коренных жителей.

Власти прибрежных государств стремятся найти баланс между привлечением экономических преимуществ, которые им даёт выход к акваториям Северного Ледовитого океана, и необходимостью минимизировать негативные эффекты антропогенного воздействия на экосистемы Арктики, то есть добиться устойчивого экономического развития региона. Для достижения этой цели требуется, прежде всего, наличие проработанной нормативно-правовой базы как на национальном, так и на международном уровнях. Рассмотрим законодательство ряда зарубежных государств, имеющих выход к арктическим водам, в области разработки нефтегазовых ресурсов Арктики, а также системы их государственных органов по надзору за данной деятельностью. [5, стр. 119]

США является одним из лидеров по добыче нефти на арктическом шельфе. Наиболее разведанным нефтегазоносным бассейном Арктики считается Северный склон Аляски, единственного арктического штата страны. Углеводородные шельфовые запасы Арктики в США находятся в недрах двух морей: в море Бофорта и Чукотском море. В 1968 г. у берегов Аляски было открыто крупнейшее в Северной Америке нефтяное месторождение Prudhoe Bay. Все морские нефтяные проекты расположены не дальше 10 миль от побережья.

В силу того, что разведка шельфовых месторождений потенциально связана с риском нанесения вреда окружающей среде, эта

деятельность находится под строгим контролем государственных органов США. [3, стр.170] При этом правовые нормы, относящиеся к работам на шельфе Аляски, в целом не отличаются от общей национальной законодательной базы нефтегазовой деятельности.

Границы арктических территорий и акваторий США определены в Законе США о порядке проведения исследований в Арктике 1984 г. Этот же закон наделяет Министерство природных ресурсов США (Department of Interior) функциями общего надзора за деятельностью на внешнем шельфе и полномочиями по контролю над созданием необходимой законодательной базы в этой области с целью обеспечения защиты окружающей среды и производственной безопасности.

В 2010 г. после аварии на нефтяной платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе государственный механизм по управлению разработкой месторождений на шельфе претерпел ряд структурных изменений. Служба управления минеральными ресурсами, входящая в состав Министерства природных ресурсов, была переименована и разделена на три независимых органа: Бюро по управлению энергоресурсами океана, Бюро по обеспечению безопасности и охраны окружающей среды и Департамент управления доходами от добычи природных ресурсов. Целью реформы было недопущение концентрации в одном ведомстве функций по управлению ресурсами, контролю за соблюдением требований безопасности и экологических стандартов, сбору доходов. [3, стр. 173]

В отношении деятельности на внутреннем континентальном шельфе в пределах трёх миль от берега контроль осуществляют государственные органы штата Аляска. Среди них Комиссия по рациональному использованию нефтегазовых ресурсов, Департамент по защите окружающей среды, Департамент по управлению рыбными ресурсами. Процесс распределения участков шельфа среди компаний, намеревающихся проводить разведочные работы, начинается с разработки Министерством природных ресурсов пятилетней программы, которая определяет конкретные районы шельфа, подлежащие распределению, а также график проведения аукционов.

В апреле и июле 2016 г. в США были приняты новые правила безопасности при бурении на континентальном шельфе. Они ужесточили требования к разработке и эксплуатации оборудования, используемого при разработке нефтяных и газовых месторождений. Были введены новые стандарты оборудования, применяемого для контроля скважин, и впервые – требование по мониторингу определённых видов буровых работ в режиме реального времени.

В целом механизм допуска нефтегазовых компаний к континентальному шельфу Арктики в США характеризуется высоким уровнем экологических стандартов и требований к безопасности работ. В отличие от большинства других арктических стран, где государство предоставляет компаниям определенную гибкость в выборе средств достижения поставленных законом задач, законодательство США содержит большое количество императивных норм, предписывающих конкретные технические и процедурные требования.

После аварии на нефтяной платформе в Мексиканском заливе нормы были ужесточены, а государственные функции по охране окружающей среды, управлению процессами лицензирования и сбору доходов от добычи нефти на шельфе распределены между разными органами. Вместе с тем с приходом к власти Д. Трампа в США происходит кардинальный пересмотр государственной политики в нефтегазовой области. В январе Министерство природных ресурсов представило проект новой пятилетней программы распределения участков шельфа на 2019–2024 гг., из которого следует, что для бурения будет открыто 90% континентального шельфа США, находящегося в федеральном ведении. Это беспрецедентный в истории страны показатель.

Среди основных направлений стратегии Канады в Арктике, изложенных в правительственном документе «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее» 2009 г., разработка нефтегазовых месторождений и добыча алмазов названы в качестве главных источников благосостояния в ближайшей перспективе. Наряду с нефтью и газом в прибрежной зоне Канады находятся значительные запасы гидрата метана, алмазов, меди, цинка, ртути, золота, редкоземельных металлов.

Канада с осторожностью подходит к разработке минеральных ресурсов шельфа, делая приоритетом вопрос защиты уязвимой окружающей среды севера.

В 1970 г. руководство Канады приняло Акт по предотвращению загрязнения арктических вод, в котором государство оставляет за собой право контролировать все суда, входящие в покрытые льдом области Северо-Западного Прохода (СЗП), пролегающего вдоль канадского побережья, с целью защиты окружающей среды. На переговорах по принятию Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву канадская делегация была одним из инициаторов принятия ст. 234, которая предусматривает особые права прибрежного государства по защите окружающей среды в своей ИЭЗ в акваториях, покрытых льдом. По той же причине Канада принимала активное участие в разработке Полярного кодекса, вступившего в силу 1 января 2017 г. и регулирующего вопросы безопасности

эксплуатации судов и предотвращения загрязнения в полярных водах. Акцент канадских властей на необходимости охраны окружающей среды Арктики обуславливает наличие жёстких законодательных требований к компаниям, осуществляющим деятельность по разработке нефтегазовых месторождений на канадском шельфе. Правила получения лицензий на разведку углеводородов в Арктике, как и в США, были ужесточены в 2010 г. после инцидента с *Deerwater Horizon*. Такие меры продиктованы также декларируемой правительством Канады заботой о правах и нуждах населения, проживающего на прилегающих к арктическому шельфу территориях. [2, стр. 55]

Ответственность за регулирование деятельности по освоению шельфа Канады распределена между двумя основными государственными органами. Структурой, осуществляющей выдачу прав на освоение нефтегазовых ресурсов в виде лицензий, является Министерство по делам коренных жителей и развитию Севера. Министерство также занимается распределением финансовой выручки компаний от освоения шельфа, а также решением вопроса о целесообразности выделения справедливой доли канадских компаний в выдаваемых лицензиях. Органом, осуществляющим контроль за выполнением компаниями экологических требований и необходимых мер безопасности, является Национальный энергетический совет Канады. Таким образом, в Канаде, так же как в США и в отличие, например, от Гренландии и Исландии, функции финансового и юридического регулирования и надзора за соблюдением экологических норм и мер безопасности чётко разделены между двумя независимыми органами.

Активизация работ на арктическом шельфе Канады в прошлом во многом обуславливалась предоставлением властями субсидий и дотаций нефтяным компаниям, работающим в море Бофорта. Однако стимулирующие меры были отменены в середине 80-х годов, что в совокупности со снижением мировых цен на нефть в тот период привело к полному прекращению буровых работ в море Бофорта в 1989 г. Жёсткие экологоориентированные правила разведки и разработки ресурсов, которые операторы зачастую не в состоянии выполнить, не способствуют возвращению нефтегазовых компаний в Канаду. [1, стр. 82] В июне 2016 г. *Shell* вернула имеющиеся у неё лицензии в канадской части моря Бофорта. Не последнюю роль в этом сыграл отказ правительства Канады смягчить законодательные требования по бурению в Арктике.

Законодательство Канады по регулированию нефтегазовой деятельности на шельфе Арктики по структуре и уровню требований к компаниям имеет много схожего с подходом США в этом вопросе. Незначительные отличия сводятся к тому, что Канада имеет менее разветвленные

системы нормативно-правовых актов и контролирующих ведомств. Как и в США, функции по надзору за выполнением операторами требований по обеспечению экологической и производственной безопасности, выдаче лицензий и сбору доходов от деятельности компаний разделены между несколькими органами. О близости двух систем говорит совместное решение двух государств о закрытии арктических акваторий для разведки и добычи нефти и газа. Высокие экологические стандарты и ужесточение требований по безопасности работ могли стать одной из причин снижения интереса нефтяных компаний к шельфу и заморозили перспективы добычи ресурсов в арктических акваториях Канады.

Положительный опыт зарубежных стран по правовому регулированию разведки и добыче нефти и газа в Арктике может быть применим в целях совершенствования отечественного законодательства.

Одним из направлений международного сотрудничества в Арктике является синхронизация национальных подходов к регулированию деятельности по освоению ресурсов региона. В рамках Арктического совета уже предпринимались попытки выработки единых для всех прибрежных государств законодательных требований. [4]

В 2009 г. было принято «Руководство по освоению морских месторождений нефти и газа Арктики», нацеленное на обобщение стандартов и практик работ на шельфе и содержащее рекомендации прибрежным государствам по мерам безопасности в ходе проведения поиска, разведки и добычи нефти и газа в Арктике. Однако данный документ не имеет обязывающей юридической силы. Из трёх панарктических обязывающих международных соглашений только одно – по сотрудничеству в ликвидации нефтяных разливов – напрямую относится к деятельности по разведке и добыче углеводородных ресурсов, охватывая лишь часть всевозможных аспектов.

В этих условиях значительным шагом вперед по обеспечению устойчивого развития Арктики было бы установление обязательных для всех государств региона правовых основ освоения углеводородных ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана, обмен информацией и наилучшими практиками, взаимодействие по предотвращению негативного воздействия нефтегазовой деятельности на экосистемы Севера. Такую работу мог бы взять на себя Арктический совет, обладающий опытом в данной сфере.

Список литературы:

1. Курбанов Р.А. «Вопросы международно-правового и национально-правового регулирования в Арктике (сравнительно-правовой анализ)» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения № 2 – 2016, С. 79 – 87/

2. Годоров А.А. Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 40–59. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.40/
3. Паничкин И.В. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики: история освоения и перспективы // Российская Арктика: вызовы и перспективы развития: сб. материалов / Под ред. И. Прокофьева, Д. Лыжина, А. Тодорова. Москва: РИСИ, 2017. С. 163–179/
4. Тулупов Д.С. Региональная политика Дании в отношении Гренландии и Фарерских островов на современном этапе // Материалы семинара «Political Aspects of Indigenous Research and Activity in Russia». Москва, 2008. URL: <http://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=c2c34cdd9353-408d-8635-18cf7535b4a7> (дата обращения: 28.12.2025)/
5. «Международно-правовой режим Арктики: ход переговорного процесса» Морозов А.И. // URL: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/viewFile/84/85> (дата обращения: 25.12.2025)/

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ

Чолтян Людмила Николаевна

канд. юрид. наук, доц.,

*Белгородский университет кооперации, экономики и права,
РФ, г. Белгород*

Белокобыльская Арина Алексеевна

студент,

*Белгородский университет кооперации, экономики и права,
РФ, г. Белгород*

INTERNATIONAL SPACE LAW: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY

Choltyan Lyudmila Nikolaevna

Candidate of Law PhD, Associate Professor,

*Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Russia, Belgorod*

Belokobylskaya Arina Alekseevna*Student,**Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Russia, Belgorod*

Аннотация. Международное космическое право – одна из важных и динамично развивающихся отраслей международного публичного права. С начала освоения космического пространства признана необходимость правового регулирования данной сферы деятельности. В предлагаемой научной статье проанализированы источники международного космического права, их характерные особенности и перспективы дальнейшего развития. Исследованы взаимодействия государств в освоении космического пространства. Совершенствование международного космического права должно отражать политические и экономические изменения, происходящие в современном мире.

Abstract. International space law is one of the important and dynamically developing branches of international public law. Since the beginning of space exploration, the need for legal regulation of this area of activity has been recognized. This scientific article analyzes the sources of international space law, their characteristics, and prospects for further development. It also examines the interactions between states in the exploration of outer space. The improvement of international space law should reflect the political and economic changes taking place in the modern world.

Ключевые слова: международное публичное право; международное космическое право; космос; космическая деятельность; принципы; глобализация; международно-правовое регулирование; резолюции; договор по космосу; лунные программы; космический мусор.

Keywords: international public law; international space law; space, space activities; principles; globalization; international legal regulation; resolutions; space treaty; lunar programs; space debris.

Международное космическое право сравнительно молодая отрасль международного права. С момента первого полета прошло более 60 лет. Оно сформировалось во второй половине XX века и ознаменовало собой начало активного освоения космического пространства. Основу международного космического права создали СССР и США после Второй мировой войны. Основную цель, которую преследовали две огромные державы, – это равноправный доступ всего человечества в космическое пространство и сохранение в нем мира.

Основными нормативными документами в области международного космического права являются договоры. Первым и основополагающим договором в рассматриваемой сфере является Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, который был принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года. В Договоре были закреплены основные принципы, на основе которых изучение и использование космического пространства является достоянием всего человечества. Космос должен использоваться всеми странами исключительно в мирных целях [1]. В дальнейшем были приняты еще ряд документов, основанных на аналогичных принципах. К их числу следует отнести:

- Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968 г.) [2];
- Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г.) [3];
- Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1975 г.) [4];
- Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.) [5].

Процесс нормообразования международного космического права протекает в рамках ООН.

Что касается национального законодательства, то в Российской Федерации действует Федеральный закон от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности». В соответствии с данным законом исследование и использование космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, являются важнейшими приоритетами государственных интересов страны [6].

Однако после принятия указанных нормативных актов прошло время и космическая деятельность изменилась под влиянием технического прогресса. Растет конкуренция за освоение космического пространства. Новые технологии привлекают в космическую деятельность предпринимателей, космос становится интересным для туристической сферы, добычи полезных ископаемых и т.д. В связи с этим возникает необходимость создания новых инструментов, в том числе и правовых, для международного сотрудничества в космосе.

Большой интерес для многих стран, осваивающих космическое пространство, представляет добыча полезных ископаемых на небесных телах, учитывая, что запасы недр на Земле безграничны. Естественно, что данная деятельность потребует разработки новых и современных

технологий, высокого уровня техники и огромных финансовых затрат. Но человечеству скорее всего придется столкнуться с этими трудностями. И некоторые страны уже приступили к разработке технологий в данной сфере. Так, например, к 2035 г. Японское агентство аэрокосмических исследований хочет построить на Луне завод по производству водородного топлива из добытого льда, которое будет использоваться как для заправки луноходов и выработки электричества, так и для полетов между Луной и окололунной космической станцией.

В мае 2014 г. с целью создания на Луне обитаемой базы и инфраструктуры для добычи полезных ископаемых, в Российской Федерации был анонсирован проект российской лунной программы, включающий в себя отправку автоматических межпланетных станций («Луна-25, 26, 27, 28») для развертывания полигона; пилотируемые экспедиции на орбиту Луны без высадки космонавтов; высадка космонавтов на Луне и развертывание первой полноценной инфраструктуры для добычи полезных ископаемых. Завершение данной программы запланировано на 2040 год.

В рамках лунной программы NASA также планирует строительство лунной орбитальной станции Gateway. Ее хотят ввести в эксплуатацию в 2027 году. Станция станет перевалочной базой для дальних космических полетов, включая миссии на Марс [7].

В Российской Федерации разработаны нормативные акты, содержащие положения о разработке и добыче полезных ископаемых в космосе. Так, согласно Основным положениям Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшим перспективам, утвержденным Президентом Российской Федерации от 19 апреля 2013 г. № Пр-906, государственными интересами РФ в области космической деятельности являются, в частности, «достижение и поддержание лидирующих позиций ... для ... использования внеземных ресурсов» [8].

Вместе с тем возникает вопрос о правовом регулировании добычи полезных ископаемых в космосе, так как действующие нормативные документы не содержат до сих пор норм, предусматривающих космическое недропользование. Как справедливо полагает Е.П. Калинин, необходима разработка этических основ для юридического закрепления возможности (невозможности) получения права собственности на добытые полезные ископаемые. Всё это должно сопровождаться справедливым распределением благ от добычи полезных ископаемых на небесных телах, социальной ответственности космического горного бизнеса и максимально возможным сохранением неживой природы (минеральных ресурсов, полезных свойств недр, ландшафтов) и георазнообразия [9].

Недропользование в космосе потребует значительного количества современного оборудования, которое после определенного срока работы превратится в мусор, создавая новые экологические проблемы. На орбите Земли итак уже находится огромное количество космического мусора. И в связи с интенсивным освоением космического пространства количество мусора будет только увеличиваться, создавая проблемы для космических аппаратов и космонавтов, находящихся на орбите. Для жителей Земли эта проблема на первый взгляд нешутима, но это лишь вопрос времени. По данным ежегодного отчета Европейского космического агентства (ESA), на низкой околоземной орбите (LEO) – от 160 до 2000 км над поверхностью Земли – сейчас находится более 6600 тонн космического мусора [10].

На данный момент не существует какого-либо международного нормативного документа об уборке космического мусора. Отсутствует и само определение «космический мусор». Нет и соответствующих технологий по очистке космоса от загрязнения. Но проблему уже решает держава, активно использующие космическое пространство. Предлагается создавать спутники-уборщики, которые будут очищать загрязненные орбиты.

К числу практических мер по уменьшению засоренности космоса предлагается также увод с орбиты, исключение взрывов на орбите, усовершенствование систем защиты космических аппаратов, разработка траекторий уклонения от столкновения и ряд других.

Таким образом, в настоящее время в вопросах правового регулирования использования космического пространства необходимо руководствоваться действующими нормативными актами, однако данная сфера несомненно требует обновления и развития.

Список литературы:

1. «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» // АВП СССР. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – М., 1972, вып. XXV, с. 41–45.
2. «Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство» (Заключено в Москве, Лондоне, Вашингтоне 22.04.1968) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М. : БЕК, 1996. С. 371–373.
3. «Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами» от 1972 г. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml?ysclid=mke9caxg6c304845984.

4. «Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство» от 14 января 1975 года // АВП СССР. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1980, вып. XXXIV, с. 442–446.
5. «Резолюция 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах» // Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Тридцать четвертая сессия. Дополнение №40 (А/34/46)».
6. О космической деятельности : Федеральный закон №5663-1 от 20 августа 1993 г. // Российская газета, №186, 06.10.1993.
7. <https://mining-media.ru/ru/article/newtech/18894-dobycha-poleznykh-iskopaemykh-v-kosmose-obzor-sovremennykh-issledovaniy-i-razrabotok> (дата обращения: 22.01.2026).
8. «Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу», утвержденные Президентом Российской Федерации от 19 апреля 2013 г. № Пр-906 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.federalspace.ru/115/> (дата обращения: 22.01.2026).
9. Калинин Е.П. Научный обзор проектов по изучению и освоению минерально-сырьевых ресурсов Луны и других естественных небесных тел. Известия Коми научного центра УРО РАН № 2 (30). – Сыктывкар, 2017, с. 101-103.
10. Электронный ресурс <https://hi-tech.mail.ru/news/125645> (дата обращения: 22.01.2026).

2.4. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕВОЗКУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Чан Тху Ми Ни

*Издательство юстиции,
Вьетнам, г. Ханой*

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TRANSPORTATION OF NARCOTIC DRUGS UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Tran Thi My Ni

*Justice Publishing House,
Vietnam, Hanoi*

Аннотация. В статье анализируются понятие, признаки и правовые основы уголовной ответственности за незаконной перевозку наркотических средств. Рассматриваются основные проблемы и трудности правоприменительной практики, а также предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и повышению эффективности применения уголовно-правовых мер в современных условиях.

Abstract. This article examines the concept, characteristics, and legal foundations of criminal liability for the illegal transportation of narcotic drugs under Vietnamese criminal law. It analyzes major issues and challenges in law enforcement practice and proposes recommendations for improving legislation and enhancing the effectiveness of criminal-law measures in the current context.

Ключевые слова: уголовная ответственность; незаконная перевозка, наркотическое средство; уголовное право; Вьетнам.

Keywords: criminal liability; illegal transportation; narcotic drugs; criminal law; Vietnam.

1. Понятие, признаки и основания уголовной ответственности за преступление незаконной перевозки наркотиков

Уголовная ответственность за преступление незаконной перевозки наркотиков представляет собой неблагоприятное правовое последствие, применяемое государством к лицу, совершившему деяние, полностью отвечающее признакам состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Такая ответственность возникает в результате уголовного преследования, осуществляемого компетентными органами, и официально устанавливается исключительно на основании вступившего в законную силу судебного решения.

С общетеоретических позиций уголовная ответственность является наиболее строгой формой юридической ответственности, выражающей отрицательную оценку государством общественно опасного деяния и реализуемой посредством мер уголовного принуждения [1, с. 18–22]. В отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, она направлена не только на наказание виновного, но и на предупреждение распространения наркопреступности, представляющей особую угрозу для общества.

Характеристики уголовной ответственности за преступление незаконной перевозки наркотиков:

Во-первых, уголовная ответственность является прямым правовым следствием совершения преступления. Она возникает лишь при наличии деяния, отвечающего признакам незаконной перевозки наркотиков и достигшего уровня общественной опасности, установленного Уголовным кодексом, в соответствии с принципом законности.

Во-вторых, уголовная ответственность может быть установлена только в порядке уголовного судопроизводства. Привлечение лица к ответственности за незаконную перевозку наркотиков осуществляется компетентными органами при строгом соблюдении принципов социалистической законности, презумпции невиновности и права на защиту [4, с. 112–118].

В-третьих, уголовная ответственность выражается в применении государством строгих уголовно-правовых санкций. В уголовной политике Вьетнама преступления, связанные с наркотиками, относятся к числу наиболее тяжких, что отражает последовательную позицию государства в борьбе с наркопреступностью.

В-четвёртых, уголовная ответственность за незаконную перевозку наркотиков является ответственностью лица перед государством. Хотя

такие преступления причиняют значительный вред отдельным лицам и обществу, по своей юридической природе они посягают прежде всего на общественный порядок и интересы государства в сфере контроля за оборотом наркотиков [3].

Таким образом, уголовная ответственность за незаконную перевозку наркотиков сочетает в себе общие черты уголовной ответственности и специфические особенности, отражающие жёсткую и последовательную уголовную политику Вьетнама в сфере противодействия наркопреступности.

Основания уголовной ответственности за преступление незаконной перевозки наркотиков:

Основанием уголовной ответственности за незаконную перевозку наркотиков является принцип законности, в соответствии с которым уголовной ответственности подлежит лишь лицо, совершившее деяние, прямо предусмотренное Уголовным кодексом. В этой связи статья 250 Уголовного кодекса служит непосредственным правовым основанием привлечения к ответственности за незаконную перевозку наркотиков и определяет границу между данным преступлением и иными формами незаконного оборота наркотиков, такими как хранение, приобретение, сбыт или производство [2].

Уголовная ответственность возникает только при наличии полного состава преступления. Под незаконной перевозкой понимается умышленное перемещение наркотических веществ из одного места в другое любыми способами и средствами без разрешения компетентных органов. Это преступление имеет формальный состав, поэтому уголовная ответственность наступает с момента совершения самого акта перевозки при условии установления, что перевозимый объект является наркотическим веществом, включённым в официальный перечень.

Кроме того, субъект преступления должен обладать виной в форме прямого умысла, то есть осознавать противоправный и общественно опасный характер перевозки наркотиков и желать совершения такого деяния. Существенной особенностью основания уголовной ответственности по данной статье является зависимость квалификации от вида и количества наркотических веществ, поскольку именно эти количественные показатели определяют степень общественной опасности и тяжесть уголовной ответственности.

2. Практическое применение уголовной ответственности за незаконную перевозку наркотиков

Практика применения уголовной ответственности за незаконную перевозку наркотиков показывает, что нормы уголовного права Вьетнама в целом эффективно используются в борьбе с наркопреступностью.

Вместе с тем в правоприменении сохраняется ряд существенных проблем.

Во-первых, возникают трудности при рассмотрении дел о перевозке нескольких видов наркотиков. Хотя законодатель учитывает признак «перевозка двух и более наркотических средств», на практике он чаще всего применяется лишь как количественный показатель для определения рамок ответственности. Такой подход не отражает повышенную общественную опасность одновременной перевозки разных по свойствам и воздействию наркотиков, что приводит к непоследовательности судебной практики и снижает уровень индивидуализации наказания.

Во-вторых, сложным остаётся разграничение уголовной ответственности соучастников. Незаконная перевозка наркотиков, как правило, совершается организованными группами с распределением ролей между организаторами, перевозчиками и иными участниками. Однако действующие нормы о соучастии носят общий характер и не обеспечивают достаточных критериев для точной оценки фактической роли каждого лица, что затрудняет справедливое назначение наказания.

В-третьих, наблюдается непоследовательность в применении дополнительных наказаний. В одних случаях они назначаются формально, в других - не применяются без надлежащего обоснования. Отсутствие чётких критериев снижает превентивный эффект уголовной ответственности и не способствует предупреждению рецидива.

Таким образом, несмотря на наличие относительно развитой нормативной базы, практика применения уголовной ответственности за незаконную перевозку наркотиков нуждается в дальнейшем совершенствовании - как в части законодательного регулирования, так и в разработке единых руководящих разъяснений для обеспечения последовательности, справедливости и соответствия современным условиям борьбы с наркопреступностью.

3. Рекомендации по совершенствованию законодательства для повышения эффективности применения уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков

С учётом выявленных проблем в правоприменительной практике требуется дальнейшее совершенствование уголовного законодательства и разъяснений по его применению для обеспечения последовательного, справедливого и эффективного реагирования на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Во-первых, необходимо уточнить регулирование случаев перевозки нескольких видов наркотиков. Обстоятельство «наличие двух и более видов наркотиков» должно рассматриваться не только как основание для количественного суммирования, но и как показатель повышенной

общественной опасности. Для этого целесообразно разработать руководящие разъяснения, учитывающие вид и количество каждого наркотика, степень его опасности и совокупный социальный вред, что позволит более точно индивидуализировать уголовную ответственность.

Во-вторых, требуется конкретизация критериев дифференциации ответственности соучастников. Уголовное право и судебные разъяснения должны чётко увязывать объём ответственности каждого лица с его фактической ролью – организатора, перевозчика, пособника или иного участника, – обеспечивая справедливое и пропорциональное назначение наказания.

В-третьих, необходимо усовершенствовать регулирование дополнительных наказаний. Следует чётко определить цели и условия их применения с учётом характера и тяжести преступления, полученной выгоды и риска рецидива, чтобы усилить превентивный и сдерживающий эффект уголовной ответственности.

В-четвёртых, в долгосрочной перспективе целесообразно разработать специальный закон о профилактике и контроле преступлений, связанных с наркотиками. Такой акт позволит системно урегулировать вопросы видов и количества наркотических средств, мер уголовной ответственности и механизмов противодействия наркопреступности, преодолеть фрагментарность регулирования в рамках Уголовного кодекса. Реализация указанных мер в комплексе обеспечит согласованность уголовно-правовой политики и практики её применения, что повысит эффективность борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, в современных условиях.

Список литературы:

1. Нгуен Нгок Хоа (2022). Уголовная ответственность, наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. Ханой: Издательство юстиции.
2. Национальное собрание (2025). Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам. Ханой: Национальное политическое издательство «Правда».
3. Ханойский юридический университет (2013). Учебник по теории государства и права. Ханой: Издательство юстиции.
4. Ханойский юридический университет (2022). Учебник по уголовному процессу Вьетнама. Ханой: Издательство юстиции.

2.5. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аристов Илья Павлович

*магистрант,
ФГБОУ ВО Университет «Дубна»,
РФ, г. Дубна*

THE HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF NON-REHABILITATING GROUNDS FOR TERMINATION OF A CRIMINAL CASE

Aristov Ilya Pavlovich

*Master's student,
Dubna University,
Russia, Dubna*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возникновения и становления в Российском уголовно-процессуальном законодательстве правового института прекращения уголовного дела, а вместе с тем и оснований его прекращения.

В данной работе рассматриваются нормативные акты, применявшиеся с древнейших времен для производства по уголовным делам, вплоть до настоящего времени.

Abstract. The article examines the issue of the emergence and formation in the Russian criminal procedure legislation of the legal institution of termination of a criminal case, and at the same time, the grounds for its termination.

This paper examines the regulations that have been used since ancient times for criminal proceedings, up to the present.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, основания прекращения уголовного дела, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, уголовное преследование.

Keywords: termination of the criminal case, grounds for termination of the criminal case, preliminary investigation, criminal procedure, prosecution.

Появление и дальнейшее становление в Российском уголовно-процессуальном законодательстве правового института прекращения уголовного дела, а вместе с тем и оснований его прекращения, неразрывно связано со становлением в Российском государстве самого уголовного судопроизводства. Прекращение процессуальной деятельности по уголовному преследованию лица, а равно и прекращать уголовное дело, возбужденное в отношении лица, совершившего преступление, идея не такая уж и новая, та или иная форма прекращения деятельности правоохранительных органов существовала со времен появления суда.

Современное уголовное-процессуальное право рассматривает прекращение правоохранительным органом уголовного дела как отдельный правовой институт, берущий своё начало в уголовно-правовых нормах об освобождении лица от уголовной ответственности. Историко-правовой анализ уголовно-правовых источников права разных временных периодов истории России позволит обозначить определенное представление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям как о отдельном институте, а также сформировать возможные тенденции развития такого института. Исследование ранее действовавшего законодательства даст возможность результативно сформировать актуальные уголовно-процессуальные нормы, предусматривающие возможность освобождения лица от уголовного преследования и прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

В X-XI вв. происходил этап формирования и становления Российского государства, в том числе и осуществлялось развитие нормативных правовых актов. Данные источники права, хоть и в зачаточном состоянии, но содержали в себе обстоятельства, прекращающие осуществление уголовного преследования лица. Одним из самых примитивных оснований прекращения уголовного дела можно выделить такое основание, как смерть обвиняемого, что в принципе логически обосновано, если в живых нет лица, которое может нести ответственность за совершенное общественно-опасное деяние, следовательно, и уголовное дело в отношении такого лица должно подвергнуться прекращению. Например, в Краткой редакции Русской Правды [9] содержались нормы, которые регулировали обычай кровной мести, который мог применяться в случае убийства или побоев (статьи 5-7); «расправа с ночным вором»

(статья 38). Также в статьях Русской Правды и Пространной редакции Русской Правды имели место быть статьи, устанавливающие санкцию в виде лишения жизни лица совершившего убийство огнищанина. Таких преступников лишали жизни обычно сразу, то есть без суда, так как огнищанин являлся представителем высшего служилого класса.

Некоторые ученые [1] считают, что появившийся в Древнерусском уголовном процессе обычай кровной мести превратившись в особый вид разрешения конфликтов, свидетельствует о начале возникновения института примирения сторон. Указывалось, что при нанесении побоев, потерпевший в качестве возмездия обидчику должен был нанести ответные побои. В случае, если пострадавшему были нанесены увечья такой степени, что он сам не мог отомстить, то право на отмщение имелось и у близких родственников.

В 911 и 944 годах, то есть в период русско-византийских отношений и заключения договоров [7] в них также отмечалась кровная месть, которая применялась к убийце прямо в момент лишения им жизни другого лица. Если же убийца скрывался с места преступления, то наказанием служила ранняя форма компенсации, имущество убийцы передавали родственникам погибшего.

Стоит отметить, что вариант получения компенсации потерпевшим существовал и в Русской Правде. Пострадавшая сторона имела право, как и отомстить, так и примириться. В случае примирения потерпевший получал компенсацию «взыскивал за обиду».

Такая форма компенсации является определенного рода предпосылкой статьям современного уголовного законодательства. В статье 25 уголовно-процессуального кодекса (далее УПК РФ) [15] и статье 76 уголовного кодекса (далее УК РФ) [13] предусмотрен вариант прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Важной составляющей частью такого примирения является заглаживание причиненного потерпевшему вреда, что может выражаться в имущественной, в том числе денежной, компенсации.

Следующим этапом развития Российского законодательства можно выделить Судебник 1497 года, принятый Иваном Грозным. В соответствии с данным нормативным правовым актом, если рассматривалось дело по «нетяжелым» преступлениям, то присутствовала возможность примирения обвинителя и обвиняемого на любой стадии судебного производства, в том числе и перед началом судебного поединка. Что опять свидетельствует о приведенной ранее в работе возможности примирения сторон в ранних уголовных нормативных актах Российского государства, и связи Судебника с современным законодательством.

В этот же период действия Судебников 1497 года и 1550 года, а вдобавок и Соборного уложения 1649 года [11] начинают закладываться определенные начала иных оснований прекращения уголовного дела. Вышеуказанные документы содержали в себе возможность прекратить уголовное преследование лица в случае его смерти. Рассматривая данное основание, мы можем проследить предпосылку к современному законодательству, а конкретно пункту 4 части 1 статьи 24 УПК РФ, то есть прекращению уголовного дела в случае смерти подозреваемого или обвиняемого. Стоит также отметить о возможности, указанной в Соборном уложении о прекращении уголовного дела по прошествии длительного времени с момента совершения преступления. Актуальная версия такого основания прекращения уголовного дела представлена пунктом 3 части 1 статьи 24 УПК РФ, то есть прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Следующим важным этапом развития уголовного процесса в России стало проведение в 1864 году Судебной реформы, в частности, принятие нового нормативного правового акта касающегося уголовного судопроизводства, Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В рассматриваемый исторический период процессуальная деятельность правоохранительных органов, а именно предварительное следствие производилось судебными следователями, данная государственная должность была учреждена в 1860 году. Важным стоит отметить, что прекратить уголовное дело, как это представлено в современном уголовном судопроизводстве, судебный следователь не мог, даже несмотря на его определенный судейский статус.

Статья 277 Устава уголовного судопроизводства [14] регулировала важное для уголовного процесса обстоятельство, конкретно то, что «производство следствия может быть прекращено только судом». Из вышеуказанного следует, если судебный следователь в ходе расследования установил препятствующие дальнейшему производству по уголовному делу обстоятельства, у него не было возможности самостоятельно вынести решение о прекращении дела, у правоприменителя возникла обязанность обратиться через прокурора в суд, который в свою очередь и прекращал уголовное дело.

Рассмотренный процессуальный порядок, по нашему мнению, позволяет судить о определенной важности принятия решения о прекращении уголовного дела, что в свою очередь, придает рассматриваемому правовому акту особый уголовно-процессуальный статус. Вынесенное правоприменителем решение о прекращении уголовного дела полностью урегулировало уголовно-правовой конфликт сторон уже на стадии предварительного следствия. Важно указать, что юридическое значение

вынесенного решения о прекращении уголовного дела судом мало чем отличалось от оправдательного приговора, устанавливалась уголовно-процессуальная и уголовно-правовая оценка деяния (по какому основанию прекращается уголовное дело и тому подобное).

Согласно статье 16 Устава уголовного судопроизводства «судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению»:

1) «За смертью обвиняемого»

2) «За истечением давности»

3) «За примирением обвиняемого с обижаемым (т.е. потерпевшим) в указанных законом случаях»

4) «За высочайшим указом или общим милостивым манифестом дарующем прощение»

В дополнение Устав уголовного судопроизводства в статье 20 предусматривал возможность прекратить уголовное преследование вследствие примирения сторон, но только по делам частного обвинения. В статье 21 Устав предусматривал основание прекращения уголовного преследования при наличии вступившего в законную силу приговора суда по тому же делу. Статья 413 Устава указывала основание прекращения дела при недостижении лицом возраста уголовной ответственности.

Проводя анализ рассмотренных статей Устава уголовного судопроизводства, мы наблюдаем как закладывался костяк современного уголовного процесса и оснований прекращения уголовного дела, в частности.

Основание «смерть обвиняемого», предусмотренное пунктом первым, имело место быть в начальных источниках права России еще с момента становления и формирования государства и права, мы указывали на это ранее, рассматривая основания, предусмотренные Русской Правдой. Прекращение уголовного дела в таком случае будет считаться вполне логичным и обоснованным. Смерть лица, совершившего общественно-опасное деяние делает невозможным применение к такому лицу наказания.

Прекращение судебного расследования «за истечением сроков давности», было по мнению некоторых ученых современности [16], введено в данный нормативный правовой акт по нескольким мотивам, одним из которых является то, что «преступление не угрожает никак общественному порядку, впечатление от него стирается в сознании населения и общество становится в нему равнодушным».

Согласно Уставу, стороны конфликта могли примириться, в следствии чего уголовное дело подлежало прекращению. Однако, потерпевший обладал правом подать иск о взыскании ущерба, причиненного

деянием. Иск подавался правонарушителю или его наследникам по обращению в правоохранительный орган несмотря на то, что уголовное дело было уже прекращено.

Устав уголовного судопроизводства определял конкретные случаи, согласно которым стороны могли урегулировать конфликт примирившись, а именно такие уголовные дела, которые могли быть расследованы и рассмотрены правоохранительными органами по заявлению самого потерпевшего. К таким делам относились «клевета и распространение оскорбительных сочинений», «угрозы», «легкие ранения или увечья», «кражи, совершенные между детьми и родителями», «жестокое обращение мужа с женой или жены с мужем», «упорное неповиновение детей родителями» и другие, то есть дела частного обвинения, если сравнивать с современным уголовно-процессуальном законодательством.

Вышеперечисленные уголовные дела были подсудны мировым судам для того, чтобы орган «склонил стороны к миру», санкция, предусмотренная Уставом, не имела значение. В случае отрицательного развития процедуры примирения сторон, иск, поданный потерпевшим, далее рассматривался по подсудности, мировым или общим судом.

Также одним из оснований в Уставе выделялось прекращение «За высочайшим указом или общим милостивым манифестом дарующем прощение», в таком случае уголовная ответственность могла быть отменена у одного или нескольких лиц. Обвиняемый имел полное право возражать против прекращения рассматриваемого в отношении него уголовного дела по такому основанию. Как указывалось учеными юристами «по следствию и суду он, то есть обвиняемый, может оказаться вовсе невиновным, а милость не оправдание» [4]. Если в дальнейшем суд, рассматривающий дело, выносил в отношении правонарушителя обвинительный приговор, обвиняемый, отказавшийся от «милости» уже не мог просить о применении к нему такого акта. Данное основание свидетельствует о формировании и развитии в уголовном законодательстве России института амнистии и помилования, представленного в современном уголовном кодексе статьями 84 и 85. Отметим, что Устав уголовного судопроизводства, а вместе с ним и перечень оснований прекращения уголовного дела просуществовал в практически неизменном виде вплоть до 1923 года.

Начало двадцатого века в России было очень богатым на события, в том числе и на принятие тех или иных нормативных правовых актов, касающихся уголовного судопроизводства. В большинстве своем все нормативные акты послереволюционной России опирались на раннее царское законодательство, но в тоже время и подстраивались под определённую политическую повестку того времени.

Так, в пункте 6 Декрета СНК РСФСР от 08.05.1918 года «О взяточничестве» [10] устанавливалось: «от преследования за дачу взятки, если таковая была произведена до издания этого декрета, освобождаются те лица, кои в течении трех месяцев со дня издания настоящего декрета заявят судебным властям о даче ими взятки».

Дополнительно можно привести в пример постановление Петроградской ЧК от 21 марта 1918 года «О хранении и сдаче оружия» [8] согласно которой «всем частным лицам необходимо было сдать всё имеющееся у них оружие и взрывчатые вещества» (имеются в виду гранаты, бомбы и так далее). Лица, виновные в невыполнении данного постановления подлежали определенной ответственности судом революционного трибунала.

Что важно, так в 1921 году была принята норма, регламентирующая исключение уголовной ответственности в случае, если лицо выдало в назначенный срок оружие и взрывчатые вещества [2].

Главным отличием уголовных нормативных правовых актов того времени стало содержание четкой терминологии. Если в имперских источниках права такие термины как «уголовное преследование», «уголовное дело», «прекращение уголовного дела», «освобождение от уголовной ответственности» не указывались, по крайней мере в той форме в которой мы их понимаем сейчас, то нормативные правовые акты зарождающегося Советского государства начинают устанавливать разницу в указанных выше терминах и содержать в себе полную регламентацию института прекращения уголовного дела по определенным основаниям.

1 июля 1922 года вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [17], согласно которому устанавливались основания прекращения уголовного дела. Конкретнее указывалось, что «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса: за смертью обвиняемого, за примирением обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего, за исключением случаев, когда прокуратура вступила в дело в целях охраны публичного интереса, за отсутствием жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемых не иначе, как по таковым жалобам, за истечением сроков давности, за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления и вследствие акта об амнистии или помиловании отдельных лиц или прекращения дел о них».

Анализируя вышеуказанные основания, можно наблюдать, что большинство из них уже упоминались ранее в дореволюционных нормативно-правовых актах, однако поменялись формулировки некоторых

из них, как например, «высочайший указ» или «общий милостивый манифест, дарующий прощение» Устава уголовного судопроизводства 1864 года, сменился более современным и понятным термином «амнистия» и «помилование отдельных лиц».

Интересным также стоит отметить основание прекращения уголовного дела «за примирением обвиняемого с потерпевшим по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобе потерпевшего, за исключением случаев, когда прокуратура вступила в дело в целях охраны публичного интереса». В данном основании наблюдается современная формулировка видов уголовного преследования, установленная статьей 20 уголовно-процессуального кодекса, а именно разделение уголовного преследования на публичный, частно-публичный и частный порядок.

Однако рассматривая уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 1922 года важно отметить, что как мы упоминали ранее, кодекс хоть и содержал в себе термины «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования», но не проводил разницу между ними, а рассматривал прекращение уголовного дела как одно из оснований прекращения уголовного преследования. А.М. Ларин в своей работе [6] анализируя изменения внесенные в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в 1923 году уделял внимание тому, что советский законодатель использовал терминологию «прекращение уголовного преследования» и «прекращение уголовного дела» в тождественном смысле.

Определенное значение имеет и термин «прекращение предварительного следствия» указанный в статьях 206-208 уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Основаниями прекращения предварительного следствия являлись: не обнаружение виновного лица, состояние невменяемости обвиняемого, а также недостаточность доказательств, собранных правоохранительными органами по уголовному делу, с целью передачи суду лица, ранее привлеченного в качестве обвиняемого.

Разграничение терминов «прекращение уголовного дела» и «прекращение предварительного следствия» аргументировалось тем обстоятельством, что уголовное дело могло быть прекращено на любой стадии уголовного процесса, в том числе и на стадии судебного заседания. В свою очередь предварительное следствие могло быть прекращено только на стадии предварительного расследования, то есть на стадии сбора и оценки доказательств по уголовному делу.

В дальнейшем, законодатель перенесет все основания прекращения вышеуказанной правоохранительной деятельности в переработанный уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года [18].

Следующим этапом развития рассматриваемой темы является принятие в 1958 году Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [3]. Новый законодательный акт предусматривал измененный перечень оснований, и теперь затрагивал определенные ситуации, в которых появлялись препятствия для производства по уголовному делу или же указывали на нецелесообразность продолжения процессуальной деятельности по делу. В данном акте были учтены, как и предыдущие основания прекращения уголовного дела, предусмотренные ранним уголовно-процессуальным законодательством, так и добавлены новые обстоятельства определенным образом расширяющие возможности процессуальной деятельности, например: «отсутствие события преступления» и «недостижение лицом определенного возраста уголовной ответственности на момент совершения преступления».

Последующий уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 1960 года [19] практически без изменений перенял основания прекращения уголовного дела из статей Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года, но все же устанавливал и новые обстоятельства: «прекращение уголовного дела в случаях, когда по характеру совершенного преступления и своему психическому состоянию лицо, совершившее данное деяние, не представляет опасности для общества»; «вследствие изменения обстановки»; «с передачей виновного на поруки», то есть определенная мера перевоспитания преступника трудом на предприятии; «в связи с передачей его в товарищеский суд», а также «в связи с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних».

Часть 2 статьи 208 уголовно-процессуального кодекса РСФСР предусматривала возможность прекратить уголовное дело «при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания доказательств».

Важным для нашей работы является то обстоятельство что для прекращения уголовного дела по данному нормативному правовому акту следователю требовалось согласие прокурора.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года впоследствии периодически изменялся и дополнялся, однако самым существенным изменением стало принятие Федерального закона от 21 декабря 1996 года №160-ФЗ [20].

Данный федеральный закон дополнял формулировки некоторых статей и добавлял новые статьи, которые позже вступили в действие 1 января 1997 года в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, подводя итог анализа нормативных правовых актов, касающихся уголовного судопроизводства, можно говорить о том, что институт прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям неразрывно связан с историей развития Российского уголовного процесса в целом. Определенные основания прекращения уголовного дела так или иначе содержались в источниках права на протяжении всех периодов истории Российского государства. Однако стоит отметить, что важную роль сыграло уголовно-процессуальное законодательство советского периода, которое сформировало и систематизировало основания прекращения уголовного дела в том виде, в котором мы можем наблюдать их в современном законодательстве. Не стоит забывать и о принятии в 1993 году Конституции Российской Федерации [5], благодаря которой в стране был взят курс на демократизацию. Принятые изменения и поправки не могли не повлиять на принципы уголовного судопроизводства, что с свою очередь отразилось и на развитии института прекращения уголовного дела.

Список литературы:

1. Галимова, М.А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: Дис. канд. юрид. наук: Омск, 2004.
2. Декрет СНК РСФСР от 17.10.1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // СУ РСФСР. - 1921. - № 70. - Ст. 564.
3. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1959. - № 1.
4. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1867. С. 342.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. N 1-ФКЗ). // Российская газета от 4 июля 2020 г. N 144.
6. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. - М.: Юридическая литература, 1986. - С.50.
7. Памятники права Киевского государства X–XII вв. Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. – Москва, 1952. – 287 с.
8. Постановление Петроградской ЧК от 21 марта 1918 г. «О хранении и сдаче оружия» // СУ РСФСР. - 1918. - № 93. - Ст. 933.

9. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – Москва: Юридическая литература, 1984. – 430 с.
10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Изд-во Госюриздат, 1953. С. 50.
11. Соборное уложение 1649 года: Текст, коммент. / Коммент. Г.В. Абрамовича и др.; Руководитель авт. коллектива А.Г. Маньков. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.
12. Судебники XV–XVI веков / под ред. Н.Е. Носова. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 261 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
14. Устав уголовного судопроизводства. Издание 1864 года// Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003083173/
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации – 2001. - № 52, – ст. 4921.
16. Устав уголовного судопроизводства. Российское законодательство X–XX в. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юрид. лит., 1991. С. 20.
17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый Постановлением 3-й сессии ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. - 1922. - № 20–21.
18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. -1923. - № 7.
19. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960. - № 40.
20. Федеральный закон от 21.12.1996г. №160-ФЗ (ред. от 26.02.1997, с изм. от 18.12.2001) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1996. - №52.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XIX международной
научно-практической конференции*

№ 2 (109)
Февраль 2026 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.02.26. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,125. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru